

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a graveyard. In the center, two figures in long, white, hooded robes stand amidst a misty, foggy atmosphere. The ground is covered in cobwebs and several human skulls are scattered around. In the foreground, a dark, cylindrical object, possibly a candle or a small monument, stands upright. The overall mood is eerie and macabre.

**МИСТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ**

***Абсолютное
Зло***

АЗБУКА-КЛАССИКА

Джулиан Готорн
Эдвард Фредерик Бенсон
Леонард Кип
Эдит Несбит
Эдит Уортон
Монтегю Родс Джеймс
Уильям Фрайер Харви
Нельсон Ллойд
Кристофер Блэр
Мистические истории.
Абсолютное зло
Серия «Азбука-классика»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68878566

Мистические истории. Абсолютное зло (сборник): Азбука, Азбука-

Антикус; СПб.; 2023

ISBN 978-5-389-22280-9

Аннотация

Тринадцать готических историй, созданных английскими и американскими писателями XIX–XX веков, вводят читателя

в мир, где обыденное и сверхъестественное идут рука об руку, абсолютное зло соседствует с ироничной насмешкой над ним, а беспечные искатели встреч с неведомым то и дело оказываются на грани жизни и смерти. Эдит Уортон, Монтегю Родс Джеймс, Эдвард Фредерик Бенсон, Уильям Фрайер Харви и другие мастера жанра повествуют о давних семейных тайнах и родовых проклятиях, о сделках с дьяволом и древних, но не утративших своих зловещих свойств артефактах, о смутных тенях в полутемных интерьерах и попавших в затруднительное положение призраках... Все переводы, включенные в сборник, публикуются впервые, некоторые рассказы прежде никогда не издавались на русском языке.

Содержание

«А страшилка у тебя все же получилась»	6
Леонард Кип	31
«Увы, бедный призрак!»	31
Портрет приора Поликарпа	66
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Мистические истории.

Абсолютное зло (сборник)

© С. А. Антонов, комментарии, 2023

© Л. Ю. Брилова, составление, перевод, 2023

© А. А. Липинская, статья, комментарии, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2023

Издательство Азбука®

«А страшилка у тебя все же получилась» О готической новеллистике

На обложку этого сборника мы вынесли название одного из рассказов – «Абсолютное зло». Звучит пугающе, не правда ли? Вот только когда читатель добирается до этой истории, он первым делом знакомится с компанией туристов, совершающих увеселительную поездку. Почему бы и нет, ведь даже современные фильмы ужасов иной раз начинаются как будто безобидно: молодежь отправляется куда-нибудь поразвлечься. Это, можно сказать, правило жанра, давнее и непреложное: сначала все мирно и благостно, даже подчеркнуто благостно. Другое дело, что перед нами все же не «ужастик» последних десятилетий, а представитель старинного почтенного жанра ghost story (буквально: «история с привидением»), по-русски – готическая новелла, а значит, будут призраки (или героям покажется, что будут), колоритные рассказы, повседневные детали или, наоборот, всевозможная экзотика и как будто ничего по-настоящему ужасного – ни обстоятельно прописанных кровавых сцен, ни монстров вроде пресловутого Ктулху. И что самое удивительное, такие истории до сих пор читают и даже экранизируют. В чем же секрет?

Готические новеллы похожи друг на друга (кто-то столкнулся с призраком или решил, что столкнулся, – часто это невозможно определить точно) и в то же время весьма разнообразны. Открывающие сборник рассказы Леонарда Кипа, к примеру, должны вызвать у читателя не страх, а улыбку. «Портрет приора Поликарпа» – звучит интригующе, напоминает о древних аббатствах и таинственных монахах из старинных готических романов, да и рассказчик обещает поведать без утайки свою историю. Первые подозрения закрадываются, когда постаревший доктор Крофорд сообщает, что теперь-то, по прошествии стольких лет, может вспомнить произошедшее «со снисходительной усмешкой».

Это в какой-то мере рождественский рассказ (что традиционно для готики – вспомним хотя бы «Рождественскую песнь в прозе» Диккенса, да и саму традицию приурочивать рассказывание «страшилок» к этому времени), и логично ожидать чуда. Радостное ожидание охватывает и самого доктора – ведь его пригласила в гости молодая подруга, в которую он давно и безнадежно влюблен. Но хозяйку дома придется подождать, и тем временем доктор перекусывает, запивая еду превосходным портвейном. Нужно предупредить: Кип в равной мере «вкусно» живописует и падающий снег, и интерьеры старинного дома, и, разумеется, еду и напитки. Идиллию, однако, портит то, что вино гость взял без разрешения...

А дальше будет все, чему положено быть в старой доброй

готической новелле: тайна завещания, последний приор аббатства и даже оживающий портрет. Кип явно пишет для тех, кто знает жанровые конвенции и в полной мере оценит забавную вариацию на знакомые темы.

Другой рассказ Кипа называется совсем уж неожиданно – «Увы, бедный призрак!». Современный читатель и зритель привыкли, что призраки могут быть милыми и несчастными, – как минимум «Маленькое привидение» Отфрида Пройслера на слуху, мультики про Каспера, дружелюбное привидение, многие видели, да и «Кентервильское привидение» Уайльда и его кино- и театральные адаптации широко известны. Но для аудитории рубежа XIX–XX веков все обстояло несколько иначе: тогда к сверхъестественному относились вполне серьезно, в большой моде были спиритические сеансы и активно функционировало Общество психических исследований, поставившее себе задачу изучить оккультные феномены с научной точки зрения. Да-да, призраков пытались фотографировать и даже взвешивать, а «показания очевидцев» бережно собирали, и большой популярностью пользовались так называемые правдивые истории о привидениях – литература, несомненно, развлекательная, однако с претензией на достоверность. Собственно, сама готическая новеллистика и стала возможна благодаря характерным тенденциям той эпохи – бурно развивались наука и технологии, но одновременно сохраняла немалое влияние на умы религия, а сверхъестественное для многих оста-

валось частью реальности, так что авторы «историй с привидениями» нередко играли на противоречии между верой и скепсисом. Подчас их герои сталкивались с призраками, находясь в состоянии эмоционального возбуждения, в полусне или под воздействием горячительных напитков (вспомним доброго доктора Крофорда), и читатель не мог быть уверен, что зловещие чудеса действительно произошли, а не были игрой воспаленного сознания. И это понятно: рассказ должен, конечно, пугать, но как будто не всерьез, чтобы страх не пересилил удовольствие от чтения.

А что до сочувствия «созданиям тьмы», об этом шли нешуточные споры. Классик жанра Монтегю Родс Джеймс (чьи рассказы также представлены в нашем сборнике) уверял, что для создания должного эффекта призраку непременно полагается быть злокозненным. Однако так считали не все, да и в старинных легендах привидения часто предупреждают героев об опасности или помогают восстановить справедливость. Новелла Кипа о «бедном призраке» – отчасти шуточная, а значит, как минимум страшно не будет. Более того, в центре внимания окажется даже не само привидение (весьма колоритное), а «юная леди лет около семнадцати», доставляющая немало хлопот опекуну своим жизнерадостным легкомыслием и склонностью искать внимания кавалеров.

Рассказ, давший название всей нашей книге, куда более серьезен, хотя, напомним, начинается он с описания уве-

селительной поездки. Герои решают отправиться на остров, где, по слухам, водятся призраки. Действие происходит в Америке; готическая новелла считается исконно британским жанром, однако многие классические ее образцы создавались и в Новом Свете. Существует отдельная ветвь традиции – так называемая американская готика, и одним из ее несомненных родоначальников был Натаниэль Готорн, отец Джулиана Готорна, автора «Абсолютного зла». Готорн-старший часто обращался к наследию пуританской Новой Англии (вспомним его роман «Алая буква» и ряд новелл), но и в рассказе его сына упоминаются знаменитые салемские ведьмы и появляется образ молодого священника, красавца с демоническим взглядом. Конечно, показан он с точки зрения рассказчицы, весьма самостоятельной и скептически настроенной особы, которая охотно ведет с ним дискуссии о природе зла и возможности разнообразных таинственных явлений вроде оборотничества. Она – отдаленный потомок тех самых салемских ведьм и интересуется эзотерикой, но говорит о странных и жутких вещах с оттенком иронии и... любит ездить на велосипеде, то есть это дама вполне современная, и общение с «его преподаванием» окрашено для нее веселым флиртом.

Впрочем, если Кип в «Портрете...» превращает историю о призраках в шутовую мелодраму, то здесь дело обстоит противоположным образом. Героине предстоит столкнуться с вещами необъяснимыми и пугающими, и «самые отъявлен-

ные суеверия» (по ее же собственным словам) окажутся более чем реальны. Готорн щедро задействует отсылки к литературе и фольклору, немного эклектично, как это бывает в поздних образцах жанра (рассказ написан в 1918 году), но притом убедительно, – весь этот пестрый культурный фон присутствовал в сознании его современников, и представить себе молодую даму, рассуждающую то об античной мифологии, то о банши и вервольфах, совсем нетрудно, а искусно написанный, хотя и отчасти предсказуемый финал всецело вознаграждает ожидания читателя.

Новелла Эдит Несбит «Тень» – совсем иная, здесь нет ни таинственных островов, ни оборотней, ни демонических священников, зато в полной мере присутствует качество, которое ученые называют авторефлексивностью: перед нами во многом история о том, как рассказываются такого рода истории. Рассказчица (да-да, в огромном количестве готических новелл присутствуют рассказчики – это одновременно дань устной традиции и способ создать некий зазор между миром читателя и миром рассказа, внести элемент субъективного восприятия) подчеркивает, что нас вовсе не ждет сложный сюжет, да и события не имеют толком ни причины, ни внятного объяснения, поскольку... взяты из жизни. Действительно, если вспомнить те самые «правдивые истории о привидениях», от литературных новелл их обычно отличают некоторая схематичность и отсутствие внятной фабулы, иногда это просто описания впечатлений, каких-то отдельных сцен, не

более того. Однако Несбит именно что имитирует подобный текст: установка на подлинность и простоту помогает завоевать доверие читателя и создать особую атмосферу душевной беседы и в то же время маскирует искусную игру с литературными условностями. В загородном доме девушки рассказывают друг другу истории, разумеется, под Рождество и, разумеется, у камина.

Несбит аккуратно вплетает в свое повествование отсылки к известным литературным сюжетам. Среди рассказанных участницами беседы историй есть «истории о карете-призраке, жутко странной кровати, даме в старинном платье и доме на Беркли-сквер». Так вот, «Карета-призрак» – это одна из известнейших готических новелл, принадлежащая перу Амелии Эдвардс, «жутко странная кровать» описана Уилки Коллинзом в одноименном рассказе, дама в старинном платье – это призрак из новеллы Вальтера Скотта «Комната с гобеленами». А вот дом на Беркли-сквер долгое время пользовался славой «самого известного дома с привидениями в Лондоне». Интересно, что юные рассказчицы не верят ни во что подобное, они просто развлекаются, но, когда кто-то стучит в дверь, им становится не по себе. Эта вполне объяснимая реакция, тонко подмеченная Несбит, показывает, что на самом деле современные и как будто рационально мыслящие люди не до конца свободны от веры в сверхъестественное.

Однако в комнату входит вовсе не призрак, а домоправительница мисс Иствич. Она намного старше юных рас-

сказчиц, строга и как будто холодна, и тем не менее именно ей предстоит рассказать историю, ставшую смысловым центром новеллы, – конечно же, по видимости очень простую, без впечатляющих «спецэффектов», но, как оказывается, способную по-настоящему пугать девушек. Более того, читателю предстоит увидеть причудливое и весьма жуткое переплетение воображаемого и действительного, повествования и (внутритекстовой) реальности.

Новелла Кристофера Блэра «Пурпурный Сапфир» обещает нечто более экзотическое, но опять же начинается почти прозаически: рассказчик – профессор минералогии (пусть и в вымышленном Университете Космополи), и изъясняется он в суховато-академичной манере («факты, с этим связанные, я излагаю ниже»). Перед нами образчик так называемой антикварной готики: таинственный артефакт, переданный в музей, приведенные дословно «документы»... Эта разновидность готической новеллистики зачастую создавалась учеными, на досуге использовавшими свою эрудицию для создания занимательных историй (Монтегю Джеймс и Артур Грей преподавали в Кембридже, Сэйбин Бэринг-Гулд был антикваром-любителем). Кристофер Блэр – псевдоним Эдварда Херон-Аллена, обладавшего весьма разнообразными интересами: изготовление скрипок, персидский язык, биология, археология, выращивание спаржи. А еще он переводил Омара Хайяма и занимался хиромантией, – словом, представить, как Блэр мог задумать рассказ о проклятом камне, со-

всем нетрудно.

История Пурпурного Сапфира (проклятое сокровище – еще одна классическая тема историй о привидениях) рассказана с огромным количеством «научных» подробностей: профессор со знанием дела описывает чудесный камень и оправу, комментирует символику, сообщает, под каким шифром хранится в библиотеке музея рукопись о Нагпурском сапфире, однако любой, кто сведущ в конвенциях жанра, понимает: и библиотека, и сама рукопись являются всего лишь плодом воображения писателя. Дотошность повествователя и обилие достоверных (и будто бы достоверных) фактов служат ярким контрастом фантастическим и жутким событиям, и в этом вся соль антикварной готики: зазевавшийся читатель уже было почувствовал себя едва ли не на экскурсии в минералогическом музее, но тут... Хотя увлечение оккультизмом (как у героини рассказа миссис А.), символической, драгоценными камнями действительно было в ту пору довольно распространено.

И к самому финалу Блэр приберегает эффектный ход, пусть и не являющийся его изобретением (нечто похожее можно увидеть у М. Р. Джеймса): пресловутый камень лежит в музее, снабженный этикеткой с точными данными о химическом составе и физических свойствах, а в библиотеке хранится черная записная книжка (та самая рукопись), и ее, конечно, не заметят не слишком любознательные студенты, однако же всякое может быть. Мир новеллы как будто

раскрывается в мир читателя, мы прекрасно понимаем, что никакой записной книжки на самом деле нет, однако же нас охватывает легкая тревога... запланированная писателем.

В совсем другой обстановке разворачивается действие новеллы Эдит Уортон «Привороженный». Писательница отдала щедрую дань страшным историям, однако в первую очередь она известна как внимательная и ироничная наблюдательница нравов высшего света, мастер реалистического романа. Рассказ же, включенный в сборник, не только не лишен сверхъестественного элемента, но и живописует захластную деревушку. Притом Уортон не изменяет себе – в центре ее внимания вновь оказываются характеры, типажи, местные нравы.

Сами персонажи называют родные места «глухоманью», и действительно, в этих краях причудливо переплетаются исторические воспоминания, религиозные верования и причудливые суеверия. Словом, призраки для жителей округа Хемлок – не то чтобы нечто само собой разумеющееся, а как минимум нечто вполне согласующееся с их представлениями о реальности. Так что когда миссис Ратледж сообщает соседям о наложенном на ее мужа заклятии, дьякон Хиббен, конечно, недоверчиво улыбается – и тут же живо интересуется подробностями.

Уортон не зря уделяет такое внимание диалогам персонажей: ее явно интересует, как устроено их сознание, как они видят мир. По той же причине появляется своеобразная

вставная новелла – детские воспоминания одного из персонажей, фермера Босуорта. Тетка его матери была душевнобольной (мальчик этого не понимал в полной степени и запомнил «холодную чистую комнату с прутьями»), и малыш был удивлен и напуган, когда старая женщина убила принесенную в подарок канарейку, приговаривая: «Чертовка, чертовка». Тогда-то и возникло смутное подозрение, что дьявольщина реальна: ведь ходят же слухи о том, как в этих краях судили ведьму, во что явно верит даже дьякон Хиббен, к которому местные обращаются не только по религиозным вопросам, но и в случае болезни детей и скота. Да-да, служитель церкви одновременно является кем-то вроде знахаря и целителя, что красноречиво свидетельствует о двойственной картине мира жителей округа Хемлок: их христианская вера легко сочетается с архаичными суевериями. Та же миссис Ратледж, объявившая о заклании, цитирует Священное Писание по старинной семейной Библии, но отчего-то говорит дьякону «*ваша* религия».

О самих зловещих чудесах герои говорят подчеркнуто обыденным тоном, ведь это в каком-то смысле часть их жизни, насущная проблема. «Как, черт возьми, вы будете улаживать дело с привидениями?» – вопрошает старый фермер, как будто речь идет о чем-то вполне земном, наподобие запутанного судебного казуса. И по той же самой причине история завершается... поездкой миссис Ратледж за коробкой мыла.

И вновь перед нами антикварная готика – две новеллы Монтегю Родса Джеймса. Загадочные артефакты, тайны прошлого, зашифрованные рукописи, но... столь же прозаично и столь же убедительно, как и картины жизни фермеров в исполнении Эдит Уортон. Персонаж «Альбома каноника Альберика» – историк из Кембриджа (то есть «коллега» автора) по фамилии Деннистон – точнее, пишет Джеймс, «назовем его Деннистон», как бывает, когда рассказывают о реальных лицах что-то деликатное и потому стараются соблюсти частичную анонимность. Он отправляется во Францию, в городок Сен-Бертран-де-Комменж, и осматривает церковь Святого Бертрана – и городок, и церковь действительно существуют, они описаны в немногочисленных, но колоритных подробностях (вроде чучела крокодила над купелью), так что читатель с ходу погружается в атмосферу средневековой старины и научного поиска. И только тот, кто знает, какого рода история перед ним, с самого начала подозревает, что зарисовками из жизни ученых дело не закончится.

Между прочим, это самая ранняя из готических новелл корифея жанра. Джеймс был крупный медиевист, специалист по средневековым рукописям, составитель ряда каталогов рукописных собраний, автор книги об апокрифах, профессор Кембриджского университета. Первой его аудиторией были собственные студенты: почтенный профессор рассказывал им под Рождество (а как же иначе!) истории и только потом публиковал; его «художественное» наследие неве-

лико по объему (три с лишним десятка рассказов), но чрезвычайно значимо для истории «литературы ужасов» и до сих пор пользуется популярностью: так, на Рождество (!) телекомпания Би-би-си показывает короткометражки по мотивам его новелл.

Тот самый альбом, о котором говорится в заглавии, – это подшивка старинных рукописей, которую приобретает Деннистон. Причетник собора продает ее по смехотворно низкой цене, и всякий, кто хорошо знаком с фольклором, откуда антикварная готика позаимствовала немало мотивов и сюжетных ходов, в этот момент насторожится: так продают проклятые вещи, те, от которых предыдущий владелец всеми силами стремится избавиться. Деннистон предлагает больше – как специалист, он понимает, что столкнулся с уникальным материалом, но причетник отказывается брать больше двухсот пятидесяти франков, а после заключения сделки заметно успокаивается и как будто «превращается в другого человека». Тут уж точно впору начать беспокоиться за любознательного историка, однако тот продолжает радоваться покупке и благодушно позволяет дочери причетника надеть себе на шею серебряный крест. Сейчас ему больше всего на свете хочется засесть в гостиничном номере и изучить ценное приобретение.

Джеймс искусно нагнетает красноречивые подробности, которых не замечает счастливый Деннистон, но это как раз тот случай (типичный для данного жанра), когда читатель

видит и понимает больше, чем персонаж. Крест кажется слишком тяжелым, и историку хочется его снять при первой возможности; причетник настойчиво предлагает проводить гостя; услышав, откуда он вернулся, хозяйка гостиницы беспокоится и оставляет в доме на ночлег двоих крепких слуг. Что-то подобное знакомо всем с детства, с тех самых пор, когда на утреннике ребятишки, заметив волка (актера), кричали зайчику (тоже актеру): «Беги скорее, за елкой прячется волк!» Но простота приема вовсе не означает, что он в какой-то момент перестанет работать, – и читателям «Альбома...» предстоит немало жутких минут.

Оценить страшную и увлекательную историю не помешают «профессиональные» подробности, щедро рассыпанные Джеймсом по всему тексту: здесь есть не только подробные описания, но и буквальные, весьма обширные латинские цитаты из таинственной рукописи. Они создают совершенно особенный эффект присутствия, похожий на тот, который вызывало описание выставленного в музее сапфира у Блэра. И подобно черной записной книжке, альбом, по лукавому уверению Джеймса, находится в конкретно поименованной коллекции. В конце концов, перед нами не сказочное Средневековье, а мир современности, где зловещую тайну можно «обуздать» средствами науки, – изображение страшного чудовища сжигают «во избежание» (вполне архаичная практика уничтожения опасного колдовского артефакта), но предварительно фотографируют, ведь для людей науки инфор-

мация обладает специфической ценностью. Другое дело, что местонахождение самого страшилища, сбежавшего со страницы, неизвестно, и читателю, пусть и отлично понимающему, что перед ним всего лишь занимательный вымысел, становится не по себе – а вдруг оно бродит где-то рядом?

Другая новелла Джеймса, «Вид с холма», вновь представляет нам университетского преподавателя, по фамилии Фэншо, отправившегося в отпуск к своему другу, который живет в глухой провинции. Но начинается история идиллическим пейзажем, открывающимся за окном поезда. Новелла не такая большая, а на описание в самом ее начале тратится без малого полстраницы – почему? Да потому, надо полагать, что важно погрузить читателя в атмосферу покоя – разумеется, обманчивого. Вообще мастера готической новеллистики часто строят повествование таким образом, чтобы читатель буквально почувствовал себя на месте героя: подобный «эффект присутствия» делает страх и удивление намного более яркими. А пока что как будто ничего страшного: железная дорога, предвкушение отпуска, поездка на велосипеде и разгулявшийся аппетит. Знакомо и понятно каждому, не правда ли? Да и сквайр Ричардс рад другу и приглашает его на прогулку, вот только гость одолжил свой бинокль знакомому и вынужден позаимствовать столь нужную для осмотра окрестностей вещь у хозяина... Надо ли говорить, что именно бинокль сыграет в повествовании ключевую роль? Он старинный, тяжелый, настолько неудобный, что сам сквайр им

не пользуется (вспомните тяжелый крест из «Альбома...»), да и столь пристальное внимание к вроде бы бытовой мелочи настораживает. В самом деле, готическая новелла – это тот самый жанр, в котором по стенам развешано множество ружей, которые потом выстрелят, притом в строго определенном порядке, – нужно только уметь распознавать такие намеки. Иногда они могут оказаться почти неуловимыми – некоторые авторы ограничиваются искусным подбором слов, например сухая трава и листья снабжены у них эпитетом «dead» (мертвые), то есть вполне в рамках языковой нормы, но ведь возможны и другие варианты, так что выбор писателя становится значимой подсказкой.

И вот здесь пора сделать небольшое отступление. Получается, все готические новеллы сконструированы одинаково и предсказуемы, если читать их внимательно? Вопрос непростой. Общие «правила игры», как мы успели заметить, конечно же, есть, другое дело, как они реализованы в каждом конкретном случае. Многое зависит от искусства рассказчика – самые незатейливые сюжеты «расцветают», если добавить к ним колоритные подробности или вложить их в уста запоминающегося героя. И еще одна особенность: концовки детективов (которые, между прочим, совершенно точно не надоедают читателям) в определенной степени известны заранее – мы уверены, что преступник будет непременно изобличен (и тем заметнее редкие исключения из правила), пусть и не всегда можем догадаться, кем он окажется. А вот в го-

тике концовка может быть любой: встреча с неведомым губит героя или просто пугает, причем исход ничуть не зависит от какой-то «правильной» линии поведения. Те же герои Джеймса, любознательные ученые, чья психология была более чем понятна почтенному профессору, обычно движимы вполне бескорыстными мотивами, но кто-то отделяется легким испугом, а кто-то в полной мере испытывает на себе гнев потусторонних сил, у которых, видимо, какая-то своя непостижимая логика.

Не будем заранее раскрывать, что ждет героя «Вида с холма», – хотя совсем уж всерьез читателю беспокоиться не стоит: недаром рассказчик сопровождает описание прогулки друзей формулировками вроде «сидя за своими записками, с трудом внушаю себе нужное настроение и подыскиваю слова». Получается, рассказывает сам профессор? Или просто вся история – выдумка от первого и до последнего слова? А может, не то и не другое? Как бы то ни было, прогулка принесет герою весьма примечательное открытие, и Джеймс, как обычно, расцветит повествование таким количеством зримых убедительных деталей, что вы не будете знать, пугаться или завидовать Фэншо, уж больно диковинные вещи ему довелось увидеть.

А еще у нас есть два рассказа Эдварда Фредерика Бенсона, ничуть не менее известного классика жанра и тоже весьма примечательного человека из очень необычной семьи: отец его был архиепископом, сестра – археологом, а двое

братьев также писали истории о призраках, пусть и с меньшим успехом. Бенсон умеет и напугать читателя, и позабавить тонкой иронией, и удивить причудливо выстроенным повествованием, в котором разные слои реальности причудливо отражают друг друга.

Рассказ «Шпинат», со столь неожиданным для страшной истории названием, написан вовсе не на огородную тему, более того, Шпинат (именно так, с заглавной буквы) – отнюдь не растение. Каротель (в оригинале – буквально: Морковь) – тоже не название овоща, а фамилия брата и сестры, работающих вместе в качестве медиумов. Общение с потусторонним миром посредством медиумов (якобы обладающих способностью осуществлять связь между двумя мирами, «говорить голосами умерших» и т. д.) было тогда в большой моде, пусть и воспринималось одними всерьез, а другими – как модное салонное развлечение. Бенсон ехидно живописует нравы любителей оккультизма и тех, кто сделал из этого источник прибыли. К примеру, некая гречанка Астерия, «говорившая» с публикой через девушку-медиума, живописала Парфенон и синее море (как неожиданно!) и приносила весточки от покойных родственников. К примеру, Джордж... знает ли тут кто-нибудь Джорджа? Так вот, он очень-очень счастлив и передает привет.

Казалось бы, сатирой все и закончится, но не тут-то было. Людовик, один из медиумов, переутомился, и ему советуют поехать в отпуск – и тут внимательному читателю са-

мое время насторожиться, тем более что наш герой намеревается на досуге заняться спиритической фотографией. Это экзотическое хобби, фотографирование бестелесных существ, – отнюдь не выдумка писателя. Первые «изображения призраков» появились случайно, как специфический дефект снимков, связанный с особенностями тогдашних технологий. Позже подобные эффекты воспроизводили сознательно, шутки ради, и даже существовали подробные инструкции по их созданию, но поклонники спиритизма отнеслись к фотографированию привидений более чем серьезно. Среди них был и Артур Конан Дойл: прославленный автор детективных историй активно защищал одного из фотографов от обвинений в подделке, игнорируя тщательно собранные доказательства.

Впрочем, для Бенсона все это не столько предмет веры или скепсиса, сколько материал для занимательного рассказа. Уютный домик на побережье вполне в традициях жанра становится местом необъяснимых происшествий. Писатель изобретательно играет с традиционными мотивами (если живого человека может преследовать призрак, то отчего не вообразить, что несчастный дух может страдать от навязчивого внимания... мертвого тела?) и то и дело ненавязчиво напоминает читателю, что не стоит воспринимать рассказ слишком серьезно, – недаром все ключевые персонажи носят «овощные» фамилии.

Новелла «Обезьяна» раскрывает другую грань интересов

автора – он навещал сестру, занимавшуюся раскопками в Египте, и, как следствие, неплохо разобрался в местных реалиях. Египетская тема вообще важна для готической литературы, и возникла она задолго до современных ужастиков про мумии. Загадочная древняя цивилизация, замороженная смертью, породила немало домыслов, и даже в научных трудах Викторианской эпохи отчетливо звучат оккультные мотивы. Бенсон же в свойственной ему манере причудливо сплетает реальные наблюдения, расхожие мистические образы и сюжетные ходы и ехидный комментарий. Торговец египетскими древностями, настоящими и поддельными (и в равной мере со знанием дела описанными в тексте), вполне возможно, списан с натуры, – действительно, к экзотическим статуэткам и амулетам относились как к сувенирам (потому-то их и подделывали вовсю), что ничуть не мешало подспудно опасаться их магических свойств. Правда, писатель вводит в повествование «настоящего» ученого-египтолога, но тот оказывается еще и специалистом по оккультизму, а в центре действия – вовсе не он, а простодушный молодой англичанин, влюбленный в племянницу ученого и отчаянно ревнующий ее к некоему лорду. При таких исходных данных достаточно того, чтобы герою почти сказочной истории попал в руки волшебный предмет, способный помочь в достижении цели, и так оно и происходит... с некоторыми поправками. Кто внимательно прочтет другие истории, включенные в сборник, заметит «подозрительные» детали: странно низ-

кая цена антикварной вещицы, целая череда удивительных совпадений. И конечно, волшебный дар окажется не без подвоха, точнее, попадет в не слишком умелые руки.

Современного читателя может покоробить уничтожение древнего артефакта в ходе описываемых Бенсоном событий, однако это тоже довольно традиционный мотив. Антикварная готика обходится с «музейными» редкостями (к счастью, вымышленными) не слишком трепетно – она их любовно живописует, снабжает иной раз затейливой предысторией, но обрекает на уничтожение или забвение (как в одной новелле С. Бэринг-Гулда отказываются забрать в музей останки древнего человека), поскольку, в соответствии с правилами жанра, это не просто предметы, а нечто вроде опасных порталов в прошлое. Если их оставить в целости и сохранности, то кто знает, в какие руки они попадут и каких бед наделают?

Но вот рассказанная Нельсоном Ллойдом история последнего призрака в Хармони, маленьком городке со столь характерным названием (означающим гармонию), демонстрирует совсем иной подход к сверхъестественному. Правда, вложена она в уста некоего кузнеца, а кузнецы, согласно верованиям многих народов, сами причастны стихии колдовства. А герой новеллы, по собственному признанию, сызмальства привык верить в духов, да еще и обладает недюжинным воображением. Призраки – часть его мира, и оттого, увидев умершего два года назад пьяницу и шутника Динкла, он не

то чтобы уж очень удивился. Хармони – город «просвещенный», собственно, кузнец и мистер Динкл – последние, кто считал призраков реальностью, а потому встреча прошла самым будничным образом, не так, как обычно в готических новеллах, когда выходцы с того света вызывают страх и могут представлять угрозу. Да что там, пьянчужка «глядел серьезнее и добрее», как будто смерть и впрямь пошла ему на пользу.

А что может случиться, когда призрак появляется там, где в призраков не верят? Друзья (и ничего, что один из них при этом не вполне живой) решают во что бы то ни стало доказать, что мистер Динкл существует, причем жертвой их проделок становится местный священник, у которого осталось еще хоть какое-то воображение. Забавная история с немножко грустным концом начинает тяготеть к притче о рациональности и фантазии, вполне в духе времени, породившего готическую новеллу – жанр, целиком построенный на тонком балансе веры (иначе не будет страшно) и скепсиса (иначе будет слишком страшно).

Последний из представленных авторов, Уильям Фрайер Харви, не может соперничать славой с Джеймсом или Бенсоном, но это, несомненно, один из наиболее оригинальных и виртуозных творцов готических новелл. Одна из историй («Через пустошь») внешне выглядит совсем простой – это вариация на тему известного анекдота про девушку и мертвеца с той самой фразой: «А чего нас бояться?» Гувернантку

послали за врачом, она идет по пустынной местности и, конечно, очень боится, ведь идти надо до Редманс-Кросс (буквально «крест красного человека»), где произошло убийство.

И тем не менее, даже рассказывая «бородатый» готический анекдот, Харви безукоризненно внимателен к деталям. «Историю она забыла, но название помнилось» – весьма многообещающая формулировка, но насколько многообещающая, становится понятно только к самому концу: мы же помним, что «ружья» обязаны выстрелить, и мастерство автора зачастую заключается в том, чтобы грамотно расположить их, создать нужную атмосферу и при этом суметь удивить даже искушенного читателя.

Нетрудно представить, насколько разнообразнее становится находящийся в распоряжении Харви арсенал в тоже небольшом по объему, но куда сложнее устроенном рассказе «Дилетанты». Здесь возникает нередкая для готической новеллы «педагогическая» тема – учителя, школьники и даже дискуссии об образовании. В научной литературе существует предположение, что детский фольклор, истории, рассказываемые друг другу мальчишками в закрытых школах, – один из истоков жанра. Это хорошо заметно в известном рассказе Джеймса «Школьная история», в начале которого персонажи обсуждают как раз такие истории. Харви делает еще один шаг – к странным, напоминающим ритуалы развлечениям детей мы «подбираемся» сквозь весьма серьезную

дискуссию: стоит ли отправлять мальчиков в университет, как обстоят дела с дисциплиной, насколько велика роль директора... Даже странные традиции, бытующие у школьников, предлагается сделать предметом изучения психологов и антропологов – вроде «грозных» предостерегающих надписей в книгах (конечно, шуточных – кто в здравом уме покусится на кражу стандартного учебника арифметики?). В конце концов, детские игры иной раз выглядят так, будто за ними стоит какой-то полузабытый древний обычай: рождественские танцы с архаичной символикой, стишки с налетом кощунства. Викторианская литература долго культивировала сентиментальный образ ангелоподобного ребенка, а готика сделала немало, чтобы этот образ разрушить (достаточно вспомнить знаменитый «Поворот винта» Генри Джеймса).

Кроме загадочных ритуалов и проводящих их детишек, в рассказе нашлось место и реалиям военного времени (готика, казалось бы чем-то похожая на сказку, очень чутко реагирует на происходящее в реальности), и тайнам старинного аббатства (само собой, давно не функционирующего – монастыри в Англии были закрыты в XVI столетии по велению Генриха VIII), и быту педагогов (рассказчик страдает над толстенной пачкой сочинений по истории). Рассказ течет легко и непринужденно, как беседа друзей – тех, что собрались в самом начале у камина, и многие детали и их скрытые переклички можно и не заметить. «Пазл» начинает складываться, пожалуй, тогда, когда Харборо называет отдельные

части своего повествования актами, как в театре, и становится понятно, что на самом деле читателю предлагается не лишенный выдуманного сюжета разговор персонажей, но сложно устроенный многоплановый текст, игровая природа которого не ускользнет от внимательного глаза.

И вот финал – акт пятый. Не будем раскрывать заранее, в чем он состоит, скажем одно: Харви и здесь обходится с классической схемой готической новеллы весьма вольно. По идее, герои и читатели должны пугаться именно что встречи с неизвестным, а тут больше всех пугается, похоже, фабрикант Скотт, чьи худшие опасения относительно современной системы образования подтвердились.

А что напугает вас? Или развеселит и озадачит?

Приятного чтения!

А. Липинская

Леонард Кип

«Увы, бедный призрак!»

1

Два года назад я, следуя из Калифорнии в Атлантические штаты², высадился в Панаме. Вояж вдоль западного побережья прошел на удивление приятно, океан расстился зеркалом, его чуть заметные колыхания, не сказываясь на здоровье и покое склонных к морской болезни пассажиров, помогли полнее ощутить движение и проникнуться романтикой путешествия; теплый воздух ласкал кожу; компания на судне подобралась разнородная и оттого еще более удачная, капитан и команда – дельные и любезные; так что благодаря редкому сочетанию всех этих факторов я ни о чем не тревожился, прекрасно себя чувствовал, наслаждался покоем и интересным общением. День за днем, пока судно быстро шло неподалеку от берега, мы веселились, пели и шутили, и в итоге многие начали вздыхать о том, что гавань уже близ-

¹ «Увы, бедный призрак!» – Название рассказа представляет собой цитату из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет, принц датский» (ок. 1601, опубл. 1603; I.5.4).

² *Атлантические штаты* – штаты США на побережье Атлантического моря (Нью-Йорк, Пенсильвания, Мэриленд, Джорджия, Флорида и др.).

ка и об искренних дружеских связях, зародившихся на борту, скоро останутся лишь воспоминания – впрочем, весьма неплохие.

Я путешествовал не один – на моем попечении состояла юная леди лет семнадцати. Ей предстояло завершить образование в одном из прославленных нью-йоркских пансионов, и я, зная о живом, располагающем нраве девушки и будучи обязан ее родителям за многие прошлые услуги, охотно согласился стать ее сопровождающим. Чтобы называться красавицей, ей чего-то не хватало. Если бы я сейчас сочинял художественное произведение и, соответственно, имел право дать полную волю фантазии, с каким удовольствием я описал бы в самых ярких красках неисчислимые внешние достоинства своей спутницы, дабы, как это принято, свести их в единую картину ни с чем не сравнимой привлекательности. Однако мне предстоит рассказать о событиях, одно из которых наверняка станет предметом придирчивого внимания читателей, а потому я не вправе поступаться истиной даже в самых мелких деталях и подробностях. Посему я вынужден признать, что моя подопечная не была красавицей. Роскошные волосы, ровные зубы, гладкая кожа, приветливый взгляд, правильных пропорций лицо и фигура, рост скорее ниже среднего, миниатюрные ручки и ножки – вот и все, чем она могла похвалиться в отношении внешнего вида. Однако свои несовершенства она с лихвой искупала изяществом манер и живостью общения, благодаря которым очаровывала

собеседников и неизменно имела в любой компании больший успех, чем те, кто превосходил ее правильностью черт и сложения. А сверх того, я за всю свою жизнь не встречал второй столь отчаянной кокетки.

Никто не упрекал ее за это, ибо было понятно, что иначе она не может. Она была рождена для того, чтобы притягивать мужчин, и не пользоваться своими преимуществами было бы выше ее сил. Если бы рядом не оказалось другой жертвы, она принялась бы флиртовать со своим дедушкой, и через какой-нибудь час покоренный старик уже сетовал бы на старую Моисееву заповедь, которая запрещает браки по прямой восходящей или нисходящей линии³. Не забуду еще упомянуть, что ее манера заигрывать не имела ничего общего с расхожей: подобные приемы всем известны и если приводят к успеху, то лишь по привычке, – ибо мужчины слишком ленивы, чтобы избегать этих неприкрытых силков. Она никогда и никому не посылала наивных взглядов; не искала новых знакомств при помощи славословий, рассчитанных на неизбежный ответ; не увлекала робких представителей мужского пола в тихий уголок, чтобы там, осыпав лестью, вселить в них смелость; не строила низких козней, дабы отбить кавалера у другой девицы; не старалась всеми

³ ...на старую Моисееву заповедь, которая запрещает браки по прямой восходящей или нисходящей линии. – Ветхозаветный закон пророка Моисея запрещал, в частности, вступление в брак и сексуальные отношения с близкими родственниками (см.: Лев., 18: 6–18; 20: 11–12, 14, 17, 19–21); в знаменитые Десять заповедей (также ассоциирующиеся с именем Моисея) этот постулат не входит.

средствами обратить на себя внимание во время танца. Она говорила тихо, вела себя скромно и ненавязчиво, ни одно ее слово и ни один поступок не давали повода для осуждения. Но фокус был в том, что в любой компании она тут же становилась признанной королевой и завладевала всеобщим вниманием. Как это у нее получалось, затруднюсь сказать: я и сейчас довольствуюсь догадками. Могу только предположить, что секрет крылся отчасти в ее глазах: она умела искоса бросать из-под уголков век такие умильные взгляды, что противиться им было невозможно. В этом взгляде не было ни вызова, ни пыла – ничего заметного для третьих лиц. Это была мимолетная вспышка, легкое электрическое трепетание век; а впрочем, кому под силу это описать? Но, в чем бы ни заключался секрет, лишь редкие упрямы не становились ее жертвами. А если взгляд не возымеет действия, шло в ход другое, замаскированное орудие: разящий без промаха изгиб нижней губы – приготовление не к речи или усмешке, а к тому, наверное, чтобы сложить губы бантиком или фыркнуть. Движение такое же трудноуловимое, как солнечный зайчик, и такое же неопишное, как упомянутый выше взгляд, но, пожалуй, еще более действенное. Можете не сомневаться: где терпел неудачу взгляд, там брала свое нижняя губа, и я не припомню никого, кто устоял бы в этих двух испытаниях. Сказать по правде, я склонен думать, что только мне одному удалось остаться невозмутимым перед лицом этих уловок. Подобную неподатливость я объяс-

ню, во-первых, своим возрастом (так как, да будет известно читателю, я уже перешагнул тридцатилетний рубеж и потому свободен от слабостей, делающих юношей легкой добычей искушения), а во-вторых, врожденным чувством собственного достоинства и хладнокровием, благодаря которым Амуру-лучнику столь же трудно уязвить меня, сколь трудно школьнику с игрушечными стрелами пробить шкуру носорога. Как бы то ни было, факт остается фактом: за время нашего каботажного плавания⁴ все, от капитана до последнего мальчишки-стюарда, пали жертвами неодолимого обаяния моей спутницы, что выражалось, в зависимости от их ранга, либо преданным угождением, либо тайными вздохами, я же единственный оставался стоек и непоколебим.

В Панаме нам предстояло, конечно, пересечь перешеек на поезде, чтобы по ту сторону погрузиться на другое судно⁵. Однако на пристани нас ждал агент нашей транспортной компании с довольно неприятным известием. Атлантический пароход вышел из строя из-за поломки – расшатался гребной вал, разорвало трубу, или что там еще то и дело слу-

⁴ *Каботажное плавание* – то есть плавание вдоль берега, без выхода в открытое море.

⁵ *...пересечь перешеек на поезде, чтобы по ту сторону погрузиться на другое судно.* – Речь идет о самой узкой части Центральной Америки – Панамском перешейке в Республике Панама; в 1904–1914 гг. по нему проложили зигзагообразный судоходный канал, соединивший Панамский залив Тихого океана с Карибским морем и Атлантическим океаном. До постройки канала перешеек приходилось преодолевать описанным в рассказе способом.

чается с пароходами, – а до прибытия другого было еще дней десять. Между тем на поезд торопиться не стоило: климат по ту сторону перешейка в это время года самый нездоровый, к тому же гостиницы плохие и их не хватает. Предпочтительнее было разместиться в Панаме, те же, кому не хотелось перебираться в город, могли воспользоваться своими каютами на пароходе. Многие пассажиры решили так и сделать, а прочие отправились на берег искать иное пристанище. Среди последних был и я с моей прекрасной подопечной: находиться на борту приятно, когда судно дерзко бросает вызов открытому морю, но совсем другое дело – порт, где оно уныло трется о причал среди мусора и гниющих фруктов. По этой причине самое убогое жилье на берегу лучше самой роскошной каюты на борту. И вот мы, положив в дорожную сумку все, что понадобится на недельный срок, высадились на берег и начали обход скромных местных гостиниц.

Сперва поиски были безуспешны. Отелей в Панаме не много, и только один или два с виду отвечали необходимым требованиям. Однако они уже были забиты более расторопными пассажирами, которые прибежали при первом подозрении на отсрочку рейса и заняли лучшие номера. То тут, то там нам предлагали тесные и темные углы, до небес превознося их достоинства, но мы не поддавались на обман и продолжали поиски. Прошло около часа. Жара, к счастью, давно спала, и все же мотаться по незнакомому городу с тяжелой сумкой на плече – не самое вдохновляющее занятие.

Разумеется, я устал и был, наверное, слегка раздражен, и тут, завернув за угол, мы очутились на небольшой площади перед собором.

Каждый, кто побывал в Панаме, несомненно, помнит этот собор – грандиозное каменное сооружение с двумя высокими башнями и с причудливым орнаментом из раковин-жемчужниц⁶, расположенных полосами и кругами; благодаря своим размерам и почтенному возрасту безвкусная громада производит впечатление отчасти даже величественное. В иное время мы бы ею заинтересовались и, дав волю фантазии, пожалуй, принялись бы сочинять всякие романтические истории. Но в те минуты нас, утомленных и измученных, занимали не церкви, а исключительно гостиницы и какой-нибудь второразрядный нью-йоркский пансион доставил бы нам больше радости, чем базилика Св. Петра или мечеть Святой Софии⁷. Поэтому, скользнув не слишком критическим взглядом по высоким башням, мы собирались быстро продолжить путь, но тут я заметил скромное объявление в

⁶ ...собор – грандиозное каменное сооружение с двумя высокими башнями и с причудливым орнаментом... – Имеется в виду архикафедральная базилика Санта-Мария-ла-Антигуа, католический собор, построенный в 1688–1796 гг. в Каско-Вьехо (см. примеч. к с. 33), одна из главных достопримечательностей Панама-Сити, столицы Панамы.

⁷ ...базилика Святого Петра или мечеть Святой Софии. – То есть собор Святого Петра на одноименной площади Рима, крупнейшая историческая христианская церковь в мире, построенная в 1506–1626 гг., и бывший православный собор Святой Софии в Стамбуле, возведенный в 532–537 гг. и в 1453 г. по приказу султана Мехмеда II превращенный в мечеть Айя-София.

окне какой-то лавочки напротив – вероятно, меняльной конторы: «Здесь говорят по-английски».

– Зайдем-ка, Лили, туда, справимся, где есть еще гостиницы, – сказал я, назвав свою подопечную по имени (такое обыкновение я завел сразу, чтобы она меня не стеснялась и мы, несмотря на большую разницу в возрасте, могли разговаривать непринужденно).

– Да, Гас, давай зайдем, – отвечала она, в свою очередь по имени и на ты (чтобы... чтобы мне... собственно, мы обоюднo согласились перейти, пока она состоит под моей опекой, на такую простую и естественную манеру общения).

И мы вошли в лавочку. Хозяин был плотный коренастый испанец, дон Мигель Как-Его-Там, смуглый, с довольно приятной миной на грушевидном лице, с живыми блестящими глазками, вытянутым затылком, коротко подстриженными волосами и маленькой бородкой. В ответ на мое приветствие он весьма учтиво поклонился, назвал два-три отеля, где мы уже пытали счастья, объяснил, что других не знает и что к нему уже несколько человек обращались с тем же вопросом, и выразил сожаление, что ничем не сумел помочь. Затем он вернулся было к своей бухгалтерии, но внезапно черты его дрогнули и он, как будто заново проникшись к нам интересом, несколько смущенно произнес:

– Не пожелает ли сеньор... и леди, его супруга...

– Сестра, – поправил я его, прибегнув – по примеру Авра-

ама, но по совершенно иной причине – к безобидной лжи⁸. Собственно говоря, это слово у меня просто-напросто вырвалось, поскольку я не рассчитывал на продолжение знакомства с доном Мигелем и не хотел объяснять в подробностях, как получилось, что я, не будучи родственником молодой леди, все же являюсь – с соблюдением всех приличий – ее спутником в поездке.

– Ах да... ваша сестра. Теперь вижу, что вы похожи... очень-очень похожи. Не пожелает ли сеньор стать моим гостем на то время, пока пароход по ту сторону не будет готов? У меня есть дом в Старой Панаме⁹, примерно в двух лигах отсюда, и мы с женой сочли бы за честь...

Прежде чем он успел закончить эту любезную и столь неожиданную пригласительную речь, я разгадал загадку и, извинившись, обернулся, чтобы отозвать Лили в сторону. Стоя позади меня, она безмятежно, с рассеянным видом глядела в окошко на собор, словно бы вдруг воспылала необычайным интересом к архитектуре. Но я не поддался на столь

⁸ ...прибегнув – по примеру Авраама, но по совершенно иной причине – к безобидной лжи. – Библейский праотец Авраам по пути в Египет выдал свою жену Сару за сестру, боясь, что прельстившиеся ее красотой местные жители могут его убить (см.: Быт., 12: 11–13).

⁹ Старая Панама – то есть Панама-Вьехо (Панама-ла-Вьеха), руины основанного в 1519 г. первоначального поселения, разграбленного и сожженного в 1671 г. английским пиратом Генри Морганом; в 1673 г. на полуострове в 8 км к юго-западу от Панама-Вьехо был отстроен новый город – исторический район современного Панама-Сити, известный как Каско-Вьехо («Старый квартал»). Лига – старинная испанская единица измерения расстояния, равная 4,1 км.

незамысловатую уловку и сурово спросил:

– Да что же это такое? Ты вздумала флиртовать с этим бедным джентльменом?

– Я только глянула на него одним глазком, Гас. Просто из любопытства. Ты ведь знаешь, кошка может смотреть на короля¹⁰.

– Вот именно, – буркнул я. – Знаю я этот твой взгляд и как ты им пользуешься. Чего ради тебе очаровывать этого джентльмена? Глянула, как ты выражаешься, одним глазком – и что из этого получилось? Он приглашает нас к себе в загородный дом – гостить целую неделю.

– А тебе не кажется, Гас, что следует поблагодарить меня за это приглашение? Да, мы, конечно же, его примем, это будет просто замечательно. Как, бишь, это называется: ранчо, ранчero? А может, там настоящий замок. А вокруг, небось, растут бананы. И много другого удивительного. Да, непременно примем, это такое романтическое приключение, и мне тогда будет о чем писать домой.

– Примем только в одном случае: если ты будешь подobaющим образом себя вести. Обещай, что не станешь флиртовать с этим почтенным джентльменом, иначе мы сдаемся и возвращаемся на пароход. Пойми, Лили, это никуда не годится. Оттого что ты завлечешь беднягу в свои сети, удо-

¹⁰ ...кошка может смотреть на короля. – Английская поговорка, впервые зафиксированная в книге Джона Хейвуда (ок. 1497 – ок. 1580) «Пословицы» (1546) и означающая, что даже человек, который занимает самое низкое положение в обществе, имеет определенные права.

вольствия не будет никакого, а вот неприятности могут случиться. У него есть жена, а испанки, как всем известно, очень ревнивы. Я слышал, непременно принадлежность их наряда – стилет. Может быть, часы облагаются налогом, а стилеты – нет. Тебя, конечно, тянет к романтике, а быть заколотой в темном углу разъяренной доньей – это весьма романтично, но, подозреваю, приятного в этом мало, а кроме того, я не знаю, как буду объясняться с твоим отцом.

– Но, Гас, тебе же известно, я непременно должна с кем-то флиртовать, – жалобно протянула Лили.

– Флиртуй тогда с погонщиком мулов или с соседским мельником, если таковые попадутся под руку; надо полагать, среди испанцев есть мельники, иначе как бы Дон Кихот сражался с ветряными мельницами¹¹? Обещай только пощадить этого джентльмена. Это все, о чем я прошу.

– Обещаю, – чуть слышно согласилась она (загородный дом на Панамском перешейке так раздражил ее любопытство, что за возможность посмотреть на него она отдала бы что угодно).

Зная, что Лили меня не обманет, я успокоился на этот счет, вернулся к дону Мигелю, извинился за промедление с ответом, сказал, что посоветовался с сестрой и мы гото-

¹¹ ...иначе как бы Дон Кихот сражался с ветряными мельницами? – Подразумевается хрестоматийно известный эпизод из гл. 8 первой части (1597?–1604, опубл. 1605) романа «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» (1597?–1615, опубл. 1605–1615) испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547–1616).

вы принять его любезное предложение, бессильны выразить словами свою благодарность и прочее. Честно говоря, мне было немного неловко оттого, что мы с такой готовностью ухватились за это одолжение со стороны совершенно незнакомого человека, но нам не приходилось выбирать, и к тому же я чувствовал, что нас пригласили не из учтивости и нам действительно будут рады.

Дон Мигель отвесил низкий поклон мне, поблагодарил за оказанную честь, потом низко склонился перед Лили, потом перед нами обоими. Я поклонился в ответ, Лили одарила дона Мигеля улыбкой, но, верная нашей договоренности, воздержалась от своих коварных мин; таким образом, все было готово к отъезду – солнце уже садилось и под дверью очень кстати ждал экипаж нашего хозяина. Весь необходимый багаж был при нас, медлить не имело смысла. Мы погрузились в экипаж (невысокую открытую повозку, запряженную двумя мулами), дон уселся перед нами, смуглый метис забрался на сиденье кучера, взмахнул длинным кнутом, и животные припустили ровным аллюром туда, где кончалась булыжная мостовая и начиналась загородная местность.

Мы ехали по узеньким улочкам, над которыми едва не смыкались балконы противоположных домов, вдоль улиц пошире, с фруктовыми лавками, по открытому пространству перед темной глухой стеной монастыря, где высился на трех больших ступенях каменный крест, мимо разрушенной

церкви с банановой пальмой¹² прямо в открытых дверях – и через городские ворота наружу, под нестройный «Ангелюс»¹³ всех треснутых колоколов со всех оставшихся за спиной колоколен Панама. За этим последовал несколько однообразный путь по грунтовым пригородным дорогам, проложенным через густой тропический лес; просветы, в которых виднелись либо небольшой расчищенный участок с туземной хижинкой, либо, вдалеке, залив. Примерно через полчаса дорога вдруг резко повернула и пошла вверх; на высоте перед нами открылся более широкий вид. Залив теперь был ближе, в нескольких ярдах от нас искрились в закатных лучах волны; прибежав, быть может, от самого азиатского берега, они колыхали мелкой рябью панамские воды, и их тихий лепет походил на облегченный вздох странника, который одолел многие мили и готовится к приятному отдыху. Впереди простиралась Старая Панама; насколько можно было видеть, современные домишки в ней перемежались древними руинами: где-то скопление бамбуковых построек с сидящими у порога полуголыми туземцами; где-то возвышение, так густо заросшее лозой и кустарником, что о наличии за ними ветхой стены можно было только догадываться; где-

¹² *Банановая пальма* — на самом деле травянистое растение семейства банановых, внешне действительно напоминающее пальму.

¹³ «Ангелюс» – «*Angelus Domini nuntiavit Mariæ*» (*лат.* «Ангел Господень возвестил Марии...»), католическая молитва, чтение которой в католических монастырях и храмах происходит утром, днем и вечером и часто сопровождается колокольным звоном, также называемым «Ангел Господень» или «Ангелюс».

то церквушка, не то чтобы совсем разрушенная, но отчаянно нуждающаяся в ремонте и уже наполовину потонувшая в зарослях, что служит безошибочным признаком скорого конца. Но массивней всего была стоявшая напротив нас громада – то ли монастырь, то ли форт, то ли казармы, – при ближайшем рассмотрении оказавшаяся большим частным владением; центр его составляло здание не очень крупное, однако внушительное на вид, так как его окружал немалых размеров двор, обнесенный высокой стеной из необожженного кирпича. Это был дом нашего хозяина, и экипаж через широкий арочный проем в стене въехал во внутренний двор, где мулы, не дожидаясь оклика, сами остановились, кучер-метис, громко ухнув, соскочил с сиденья и распахнул нам дверцу. Для подробного знакомства с домом час был слишком поздний, и нас не мешкая отвели в предназначенные нам смежные комнаты. Я успел только заметить, что дом строился, вероятно, в разное время: одна его часть казалась совсем новой, другую же я отнес к поре самой отдаленной; причем разница между ними сразу бросалась в глаза, так как они непосредственно примыкали одна к другой; на первом этаже разделительная линия проходила примерно посередине, а выше ломалась и смещалась к западу, так что помещения под самой крышей были почти сплошь современные, исключение составляла единственная небольшая башня.

И вот теперь начинается необычная часть моей истории – поразительная настолько, что я не удивлюсь, если в наши

скептические времена мне никто не поверит. Более того: мне до сих пор не попадался слушатель, у которого мой устный рассказ встретил бы понимание; напротив, все либо недоверчиво качали головой, либо в лучшем случае замыкались в молчании. В этих обстоятельствах мне даже боязно продолжать, я мог бы отказаться от своего намерения и утаить концовку, если бы не был убежден, что где-то в мире найдутся читатели, которые отнесутся к этому странному повествованию без враждебности, не станут без разбору подвергать насмешкам все, чего в данный момент не могут объяснить, и признают факт: в мире существует много непостижимых для нашего ума явлений, однако они достоверны и впоследствии – почему бы и нет? – найдут удовлетворительное истолкование. Что до моих друзей, могу сказать лишь одно: сколь бы странное впечатление ни производила моя история, им не следует забывать, во-первых, о моей укоренившейся репутации человека солидного, уравновешенного и начисто лишённого воображения, а потому бесконечно далекого от всего того, что обычно называют романтическими байками, и, во-вторых, о том, что, изобретая изощренную ложь, я бы от этого ничего не выиграл; посему я призываю их, прежде чем выносить неблагоприятное суждение о моем рассказе, взвесить все доводы за и против его правдивости.

Едва мы успели привести себя в порядок, как хозяин позвал нас к ужину, и мы проследовали за ним в столовую – довольно скудно обставленную комнату, показавшуюся, на

наш северный вкус, мрачноватой, хотя там имелось, конечно, все, что считается в местном климате необходимым и нарядным. В центре находился длинный стол, обильно уставленный угощениями: овощи, фрукты, кофе и немного мясного. С каждой стороны было приготовлено по два прибора, в конце стола – еще один. У двери стояла жена дона Мигеля – невысокая плотная женщина, чья очень смуглая кожа выдавала еще большую примесь индейской крови, чем у супруга. Увешанная множеством драгоценностей, она, со своими прекрасными глазами и ровными зубами, наверняка слыла когда-то красавицей, теперь же, утратив права на это звание, сохранила при себе приятность черт. Видеть иностранцев ей, вероятно, доводилось не часто, держалась она скованно и в ответ на наши неловкие приветствия не проронила ни слова. Забегая вперед, могу добавить, что за все время нашего визита она – то ли по незнанию английского, то ли по природной застенчивости – ни разу не открыла рта и обязанности хозяйки исполняла в полном молчании, однако порой, в знак своего расположения к нам, позволяла себе улыбнуться. Ее вид говорил о радушии и доброте; я никоим образом не заподозрил в ней ревнивицы, способной ударить кого-то в темном углу стилетом, и Лили, как я заметил, неоднократно обращала ко мне просительные взгляды, явно желая взять свое обещание обратно. Я, однако, не сдавался, притворяясь, что смотрю не на нее, а только на дона Мигеля, любезным жестом пригласившего нас к столу.

Я ожидал, разумеется, что дон Мигель сядет во главе стола, но он, к моему удивлению, подошел к прибору, стоявшему сбоку, справа от себя поместил Лили, а нам с хозяйкой указал на места напротив. Пока мы стояли, у конца стола совершенно неожиданно появился пятый сотрапезник, который степенно нас приветствовал и кивком предложил садиться. В ту минуту я не особенно к нему присматривался, а ограничился беглым взглядом, составив себе лишь самое общее представление о его внешности. Отец или старший брат, естественно, решил я, а может, другой родственник, которому, согласно обычаю, отведено в этом домохозяйстве почетное место.

Но когда все уже расселись, я уделил незнакомцу больше внимания и обнаружил в нем нечто, отчего у меня застыла в жилах кровь и присох к нёбу язык. Этот человек (если он действительно принадлежал к роду человеческому, в чем я с самого начала вдруг усомнился, хотя не более других склонен верить в сверхъестественное), худой и высокий, был облачен в платье, какого я ни на ком прежде не видывал. Это был костюм воина минувших времен, состоявший из нагрудника, латных рукавиц, шпаги с корзинчатой гардой¹⁴, дублета¹⁵ с кружевами и разрезами, которые крепились завязками;

¹⁴ *Гарда* – металлическая дужка на эфесе шпаги, предохраняющая руку дерущегося от ударов и уколов оружия противника.

¹⁵ *Дублет* – распространенная в Западной Европе в период позднего Средневековья мужская верхняя одежда наподобие куртки, плотно облегающая тело; изготовлялась из белого полотна или шерстяной ткани на подкладке, носилась по-

к коленям платье спускалось широкими складками, нижняя часть ног была плотно обтянута трико. Но не этот необычный наряд поразил меня больше всего. Сам по себе он мог быть причудой эксцентричного старика, приверженного традициям прошлого; так среди нас попадаются любители треуголок, длинных косичек и больших обувных пряжек, какие носили во времена революции¹⁶. В первую очередь мое внимание приковали внешность незнакомца и его манера держаться. Мрачное худое лицо казалось еще уже и мрачнее благодаря заостренной бородке. Глаза были не глаза, а застывшие жуткие гляделки, подобных я не видел ни у кого из людей; в них не было души, как если бы живое выражение стерлось, не оставив после себя ни блеска, ни зрительной силы. Приветствовав нас вначале церемонным наклоном головы, незнакомец с той минуты ни разу не повернулся и, словно бы полностью о нас забыв, сидел молча, с отсутствующим, обращенным к потусторонним мирам взглядом, не прикасался ни к чему и в целом походил на старомодную деревянную фигуру, приделанную вместо носа корабля к столу, или на мертвую голову на погребальном пиру в Египте. Утолив первоначальное любопытство, я сделал вполне естественный

верх рубашки.

¹⁶ ...во времена революции. – Речь идет о восстании в 1775–1783 гг. тринадцати британских колоний в Северной Америке против господства Великобритании, известном как Война за независимость или Американская революция, которое привело к созданию в 1776 г. независимого государства Соединенные Штаты Америки.

вывод, что передо мной отнюдь не обычный смертный. И тут мне пришло в голову, что я не видел, как незнакомец входил: дверь перед ним не открывалась, он возник внезапно, точно вырос из-под земли или сгустился из воздуха. Снова у меня по спине пробежал холодок, и захотелось оказаться отсюда подальше – пусть даже на пароходе в шторм. Я тайком оглядел сотрапезников, желая узнать, как они воспринимают происходящее. Начал я с Лили, но та нисколько не изменилась в лице – воплощенная благопристойность и стойкость духа. Упустить из виду то, что заметил я, она не могла – я давно убедился, что от ее зоркого глаза ничто не укроется. По крайней мере, она была просто обязана обратить внимание на чудной наряд незнакомца. Однако Лили продолжала сидеть как ни в чем не бывало, губы ее не дрогнули, кровь не бросилась ей в лицо. Я всегда знал, что она ничего не боится, но теперь, когда она так легко освоилась в обществе призрака, чего еще я мог от нее ожидать? Переведя взгляд на хозяина и хозяйку, я обнаружил, что и они, по всей видимости, не испугались, а настроены спокойно и серьезно. Один лишь хозяин, казалось, замечал присутствие пятого члена компании, и на его лице читался призыв ко мне сдерживать любопытство до поры, когда ему будет удобно меня просветить.

Посему я помалкивал и по мере возможности старался не смотреть незнакомцу в лицо; лишь изредка, не удержавшись, я украдкой косился на него и каждый раз видел, что неподвижный взор его устремлен в пустоту, а тарелка остается

нетронутый. Только раз он, судя по всему, нас заметил: когда дон Мигель наполнил вином стаканы и, обернувшись к концу стола, почтительно склонил голову, незнакомец ответил на его поклон, но затем мгновенно принял прежнюю позу. Мы продолжали ужинать, я не без дрожи, хозяин и хозяйка – с достоинством, делая вид, будто не происходит ничего необычного; Лили меж тем трещала без умолку, словно всю жизнь только и делала, что общалась с призраками или ряжеными. Все это было невыносимо, и временами меня тянуло пренебречь приличиями, кинуться к двери и потребовать, чтобы нас доставили обратно в Панаму. Но наконец обед завершился, последний банан был съеден и последний орех расколот. Наш хозяин поднялся на ноги. Незнакомец тоже встал и с достоинством ответил на наши приветствия. Пока он медленно шел прочь, тяжелая шпага с корзинчатой гардой колотила его по боку. Однако я не мог не заметить, что порог он не пересек, а в нескольких футах от двери исчез, растворился, как если бы состоял из тумана.

– А теперь расскажите мне о нем. Кто он такой? – со звонким смехом полюбопытствовала Лили, обращаясь к хозяину. Вопрос прозвучал довольно бесцеремонно, и я вознамерился ее упрекнуть, но дон Мигель за нее вступился.

– Хорошо-хорошо, – сказал он, – если вашей сестре интересно, почему бы не спросить? Что до меня, я с удовольствием отвечу. Да я и так не собирался молчать. Поэтому прошу вас снова занять свои места, и я расскажу вам все, что

знаю, – а известно мне не многое.

Мы удобно расселись вокруг него, и он поведал всю историю на ломаном английском, как умел, то есть употребляя длинные периоды там, где можно обойтись двумя словами.

До прошлой весны дон Мигель обитал в Панаме, и существование его было скромным и незаметным. Однако, добившись успеха в делах и питая склонность к деревенской жизни, он купил большой участок земли в Старой Панаме – там, где когда-то располагался морской порт. Из строений не было ничего, кроме руин и туземных хижин, но выигрыш заключался в сравнительно здоровом климате и приятном виде. И вот, планируя свое обустройство, он решил возвести этот просторный дом – правда, не строить его целиком, а воспользоваться остатками старого здания, простоявшего здесь века два-три – а может, и больше, кто знает? Этими устойчивыми, крепко сцементированными руинами было бы грех пренебречь. Поэтому новые помещения пристроили к старым, почти исключив таким образом расходы на фундамент, стены и немалую часть полов в нижнем этаже; и там, где прежде царило разорение, за относительно короткий срок воздвиглось симпатичное и прочное жильё.

Дон Мигель с женой остались очень довольны результатом и предвкушали долгие годы спокойствия и ничем не омраченного благополучия. Но в самый день прибытия в новый дом, впервые садясь за трапезу, они увидели, что во главе стола возвышается, вытянувшись в торжественной позе,

призрачная фигура. Они было решили, что кто-то из их друзей обрядился ради шутки в маскарад, но тут же их привел в ужас безжизненный, потусторонний взгляд незнакомца, и дон Мигель не стал предъявлять права на свое законное место, а с трепетом уселся подле жены, ближе к противоположному концу стола. Как можно себе представить, трапеза прошла безрадостно, супруги молчали и пожирали глазами незваного гостя, а тот сидел спокойно и неподвижно, не касался кушаний и, казалось, устремил взор в отдаленные пределы, не обращая никакого внимания на тех, кто находился рядом. Завершив короткую трапезу, супруги встали, гость тоже поднялся, отвесил им церемонный поклон и направился к двери – и в двух шагах от нее словно бы растаял в воздухе. Та же сцена разыгралась и во второй раз, и в третий – да, собственно, разыгрывалась с тех пор неизменно. Сначала супруги подумывали уехать и оставить дом в полное распоряжение незнакомца, но мало-помалу, убедившись, что тот не желает им зла, отказались от этого пагубного намерения. В конце концов, какой урон от того, что дважды в день садишься за стол с очевидно безобидным призраком? Хотя надобно признать, что его упорное молчание и их нерешительность превращали трапезу в довольно тягостное испытание. Однажды дон Мигель, отчаявшись, пришел пораньше и занял свое законное место во главе стола. Незнакомец явился, обнаружил, что его стул занят, нахмурился и с видом оскорбленного достоинства удалился. Супруги решили, что навсе-

гда от него избавились, однако в ту же ночь в разных концах дома раздались странные звуки и вдобавок пронзительные крики, а с утра все в домашнем хозяйстве пошло наперекосяк. Поэтому муж с женой сочли за благо оставить почетное место свободным и таким образом зазвать призрака обратно, чтобы его неудовольствие не привело к новым неприятностям и потерям.

– И, кроме как в столовой, его нигде не видели? – поинтересовался я.

Да, время от времени его видели в холле: он мрачно расхаживал туда-сюда, а при встрече с кем-то из семейства вежливо отступал в сторону и степенно кланялся. В старой части здания имелась стенная ниша, слишком маленькая, чтобы именоваться комнатой, хотя в былые времена вполне могла использоваться в качестве таковой. При перепланировке ее превратили в чулан, однако обитатели дома несколько раз замечали, как призрак входил туда, по-видимому считая это своим личным помещением. Понятно, что чулан отдали в его полное ведение, никто не следовал за ним туда и не оспаривал его прав.

– И он все время молчит? И что, никто не пытался узнать, кто он?

Нет, он ни разу не произнес ни слова. То ли ему не позволено говорить со смертными, то ли, будучи призраком, он не способен к речи. Правда, однажды на столе случайно оставили листок бумаги, призрак наклонился и написал на нем что-

то вроде имени – подобно тому как люди, желая представить-ся, вручают карточку. Тут дон Мигель поднялся и вынул листок, спрятанный глубоко в книжном шкафу. В центре стоял единственный символ, небрежно нацарапанный; как было принято в давние времена, он имел сложный рисунок и представлял собой то ли наложение нескольких букв, образующих имя, то ли подобие старинной монограммы. Никто не догадался, каков его смысл, и все так и остались в неведении. После этого листок стали намеренно класть на виду у призрака, но надежды на то, что он попытается прояснить свою личность, не оправдались. Похоже, он считал, что написанного достаточно и в дальнейшем просвещении хозяева не нуждаются.

– Но все же – кто он такой и что все это значит?

Воистину, кто мог это понять? Вероятно, то был кавалер минувших времен – живший два или три века назад. На это явственно указывал его наряд. Несомненно, это был кто-то, прежде здесь обитавший, иначе зачем ему с таким упорством держаться за этот дом? Если вообще возможно измыслить какую-то гипотезу, то она будет такова: он владел домом в прошлом и до сих пор считает его своей собственностью; на все достройки и переделки он смотрит как на подновление; посему дон Мигель и его жена для него – не хозяева усадьбы, а всего лишь гости; ежедневно появляясь на почетном месте за столом, он таким образом отдает им дань уважения – и, не исключено, сам терпит при этом немалые

неудобства. Но, в конце концов, это было не более чем предположение, хотя ничего убедительнее придумать не получалось. И из этого предположения вытекал вопрос: не решит ли призрак однажды, что погостили и будет, и не примется ли строить каверзы, чтобы досадить надоевшим постояльцам? Если настоящее казалось загадкой, то грядущее и вовсе было покрыто мраком неизвестности.

Вот такую историю поведал мне дон Мигель, и я, конечно, был бессилен ему помочь. Но она меня поразила и в известной мере даже обрадовала: ведь я опасался, что пройдет день-другой – и в отсутствие новых впечатлений жизнь в гостях мне наскучит, теперь же у меня появилась возможность наблюдать за призраком, убивать таким образом время и получать удовольствие, больше не омраченное страхом. Если к дону Мигелю призрак так долго проявлял радушие, то разве мы с Лили, как гости вдвойне, не заслуживали отношения еще более уважительного? Поэтому, совершая ежедневную прогулку по морскому берегу к соседней церквушке, дабы хоть чем-то себя занять, я постоянно возвращался мыслями к длинному столу в доме дона Мигеля: тайное наблюдение за призраком сделалось для меня первейшей услугой.

Следующие день-два мало отличались от первого. Мы занимали свои обычные места, потом входил призрак; после обмена церемонными поклонами все рассаживались. Как и прежде, призрак держался отрешенно и неподвижно, ничего не ел и не пил, на нас обращал внимание, только когда при-

соединялся, опуская голову, к обычному тосту или равнодушно раскланивался перед уходом. Но постепенно я начал замечать в нем перемены. Его поклоны сделались изящнее, стали менее чопорными и более дружелюбными. Во взгляде, дотоле пустом и отсутствующем, появился необычный блеск, черты начали отражать некоторый интерес к тому, что происходит вокруг. Однажды его губы сложились в подобие добродушной, не лишенной обаяния улыбки. И еще я заметил, что трапеза уже не была для него тягостной церемонией, он больше не торопился встать из-за стола, а делал это с недовольным видом, как будто досадуя, что вынужден покинуть приятное общество. Перемены в манерах призрака, произошедшие за два-три дня, немало меня удивили, дон Мигель тоже недоумевал, и только на четвертый день я догадался, в чем дело. Случайно бросив взгляд на Лили, я обнаружил, что она, притворяясь, будто смиренно смотрит в тарелку, слегка повернула голову в сторону почетного места, в уголках ее глаз мерцает знакомый опасный огонек, а нижняя губа тоже готовится вступить в игру; короче говоря, эта дурочка затеяла флирт с призраком!

Ошеломленный и встревоженный, я твердо вознамерился хорошенько ее отругать и воспользовался для этого первым же удобным случаем. Увидев, что я приближаюсь к ней с решительным видом, Лили попыталась отвлечь мое внимание. Вынув из кармана старое письмо от одной из нью-йоркских знакомых, она с милой бесхитростной улыбкой произнесла:

– Как хорошо, что ты пришел, я тебя весь день ищу. Хочу прочитать тебе письмо, что пришло в прошлом месяце от моей милой Дженни.

– Это письмо я уже выучил наизусть, – ответил я. – Что до твоей милой Дженни, она мне не нравится: молотит в письмах всякий вздор и пишет «бордюр» через «а». А теперь оставь глупости и послушай меня. Что это ты вздумала учудить за столом? Что за игра с чувствами несчастного духа? Слыхано ли вообще такое? Ты должна, ты просто обязана забыть о нем раз и навсегда.

– А что я буду делать, если понадобится собраться с духом? – возразила Лили.

Это был крайне глупый и неуместный каламбур, и я решил оставить его без внимания.

– Веди себя разумно, тогда и не понадобится. Разве ты не видишь, что подвергаешь себя опасности?

– Да какая опасность? – ответила она. – Что можно придумать безобиднее? Когда я флиртую с мужчинами, они все начинают добиваться моей руки, и это бывает очень неудобно. А призрак не может жениться. Напротив, он может стать мне добрым другом, показать, где зарыты сокровища и прочее. И знаешь...

– Я знаю, что тебе не хватает ума и что ты будешь настаивать на своем. Помни только, что я тебя предупредил, – отрезал я.

К этому я ничего не добавил, хотя собирался дать ей на-

гоняй. Конечно, я был не чета другим мужчинам, и на меня, человека степенного и в летах, приемчики Лили не действовали, но все же мелькало иногда в ее взгляде нечто такое, что меня обезоруживало – наверное, взывало к жалости, поэтому излишней суровости я себе не позволял. Вот и на сей раз я не присовокупил к сказанному ни одного слова упрека. И она, выбросив из головы мое предостережение, продолжила вести себя как прежде, словно я дал ей согласие на кокетство, и временами доходила до столь опасных крайностей, что меня просто поражало, как велики ее силы и как отточено мастерство.

Ни одному духу не выпадало на долю таких испытаний, какие достались бедной жертве ее коварства. Принято считать несчастным отца Гамлета, но он по крайней мере знал, на что обречен и чего ожидать дальше, и бывал ограничен в свободе лишь в определенные промежутки времени, которые нетрудно запомнить¹⁷. Но наш призрак не только находился стараниями Лили в состоянии вечной смуты и неизвестности, не только, как обычно бывает с влюбленными, мучительно дрейфовал от надежды к отчаянию и обратно, но, более того, законные часы явления ему уже не принадлежа-

¹⁷ Принято считать несчастным отца Гамлета, но он по крайней мере знал, на что обречен и чего ожидать дальше, и бывал ограничен в свободе лишь в определенные промежутки времени, которые нетрудно запомнить. – Отсылка к словам призрака отца принца Гамлета: «Я дух, я твой отец. / Приговоренный по ночам скитаться, / А днем томиться посреди огня, / Пока грехи моей земной природы / Не выжгутся дотла» (I.5.9–13. – Перев. М. Лозинского).

ли и весь жизненный распорядок пошел прахом: то и дело под предлогом ознакомления с местностью Лили продлевала свои прогулки и намного опаздывала к обеду, и тогда призрак, пришедший к установленному часу и не заставший семью в сборе, уныло ожидал момента, когда сможет занять свое привычное место за столом. А когда все рассаживались, Лили принималась будоражить призрака взглядом, подталкивая его к новым эскападам, причем делала это скрытно, с невинным видом, так что дон Мигель знать не знал о ее роли, а перемены в поведении призрака объяснял тем, что на него, долговременного затворника, бодряще повлияла новая, более оживленная компания. Глаза духа делались все ярче и подвижнее, взгляд все реже уходил в себя. Он стал внимательнее относиться к тому, что происходило за столом, а по временам его лицо подолгу не покидала улыбка. Однажды, когда Лили рассказывала что-то забавное, он откинулся на спинку стула и раскрыл рот, как бы давясь от смеха, хотя не издал при этом ни звука. Опять же, решив, вероятно, проявить больше общительности, призрак дождался, когда дон Мигель произнесет очередной тост, и, вместо того чтобы ограничиться, по обыкновению, чинным поклоном, наполнил из графина свой стакан и поднес его к губам – впрочем, пить не стал, то ли потому, что вино для него было под запретом, то ли по причине отсутствия желудка под дублетом и нагрудником. Также призрак обзавелся привычкой растягивать насколько возможно трапезу, а прощаясь, перед тем

как раствориться в воздухе, не раз и не два одаривал собравшихся взглядом, полным обожания. Кроме того, его чаще стали встречать в длинных коридорах дома, и он неизменно ухитрялся попасться там на глаза Лили. В конце концов преданность призрака выразилась в поступке таком смешном и причудливом, что я, вспоминая его, с трудом убеждаю себя, что это не был сон.

Как-то незадолго до полуночи меня всполошил частый стук в дверь. Я еще не успел раздеться, тут же открыл и на пороге увидел Лили в наспех накинутых платье и шали.

– Пошли, – воскликнула она, – скажешь, что ты об этом думаешь!

В коридоре было окно, откуда открывался вид на двор. Луна светила ярко, и я разглядел внизу призрака, стоявшего под окном Лили. Облачен он был, как обычно, в дублет и нагрудник, но на сей раз дополнил свой наряд шляпой с пышными перьями. В руке дух держал старую гитару без струн и пальцами имитировал игру, в то время как рот его открывался и закрывался, как бы подпевая исполняемой мелодии. Разумеется, ни гитара без струн, ни его уста не издавали ни единого звука. Призрак, который стоит и водит пальцами по деке гитары, как будто пощипывая струны; его рот, открывающийся и закрывающийся в такт неслышной мелодии – то судорожными рывками, то медленно, как при протяжном пении; череда поклонов, которые он отвешивает, то подходя, то отступая; его томный взгляд, устремленный то на за-

ветное окошко, то на луну; прозаические немолодые черты, выражающие бурную страсть, и полная тишина, в которой разыгрывается вся эта сцена, – картина была настолько забавна, что я едва не расхохотался. Лили была менее осторожна, и у нее время от времени вырывался тоненький смешок. Наконец песня как будто была исполнена, и серенада на этом завершилась. Засунув гитару под мышку, призрак поднял взгляд в ожидании аплодисментов. Лили, вознамерившаяся испытать веселье полной чашей, сорвала розовый бутон со стебля, росшего вплотную к окну, и кинула призраку. Тот галантно подхватил подарок, пылко его поцеловал, отступил на шаг или два, взмахнул рукой и своим обычным манером растворился в воздухе.

Все это, конечно, было очень весело, но я терзался тревогой, как бы Лили не довела дело до беды, и тревога эта усилилась на следующее утро, когда призрак явился к завтраку с розовым бутонем в разрезе дублета и с улыбкой на суровом лице – похоже, убежденный, что его ухаживания встречены благосклонно. Поэтому меня донельзя обрадовало пришедшее через несколько минут срочное письмо из Панамы. Наш пароход починили, поезд на ту сторону перешейка отправляется часа через два или три, время терять нельзя, ночью мы будем рассекать волны Карибского моря, а все воспоминания о тропиках останутся позади. Началась сумятица, мы собрали свои пожитки и стали прощаться, без надежды когда-либо увидеться, с нашим любезным хозяином и его ти-

хой простодушной супругой. И я, думая об удивительных событиях последних дней, решил, что больше никогда не возьму на свое попечение ни одну своенравную юную леди, а с той, которая уже при мне, не спущу глаз, покуда ее не минуют благополучно все опасности.

И это было, пожалуй, совсем не лишнее намерение, так как, в последний раз направляясь по длинному коридору к выходу, мы встретили на пути не кого иного, как призрак. Он был при параде, начищенный нагрудник сиял, разрезной дублет украшали новые ленты, грудь – та самая роза, а в протянутой руке он держал кольцо. Насколько я смог разглядеть, оно было старинное и затейливое, из чеканного золота, с довольно дорогим, как мне показалось, камнем в середине. Одно из тех старомодных изделий, которые в основном и ценны своей принадлежностью к давним временам; слегка поменяв оправу, их можно превратить в перстень, застёжку или брошь – по желанию владелицы. Низко кланяясь, призрак всем своим видом показывал, что преподносит это украшение Лили, та же колебалась, однако соблазн был чересчур велик. Но я кинулся между ними, и призрак с явно неодобрительным выражением на суровом лице в гневе зашагал прочь, достиг конца коридора и начал, стуча своей старой шпагой о ступеньки, подниматься по лестнице в чулан, который считался его покоем.

– Ты что, с ума сошла? – отозвался я на возмущенный взгляд Лили. – Как ты можешь быть уверена, что это кольцо

– не более чем подарок на прощанье, дань вежливости? А если дух хотел вручить его в знак помолвки?

– Какой же ты дурачок, Гас! – прозвучал довольно сердитый ответ. – Разве я не говорила тебе: призрак тем и безопасен, что за него нельзя выйти замуж?

– Замуж? Конечно нет. Но при всем том, если призрак вообразил, будто владеет домом и из милости дает кров настоящим владельцам, разве не может он присвоить себе и роль обрученного жениха цветущей юной леди? Ты не знаешь о призраках и половины того, что знаю я, – продолжал я, выдавая себя за большого знатока потустороннего мира. – Тебе понравится, если он опрометчиво решит, что получил твое согласие, и последует за тобой в Нью-Йорк? Мне неизвестно, удерживает ли его в этом доме что-нибудь, кроме прошлого и собственного каприза. Предполагаю, что при желании он может и путешествовать. Как тебе такой компаньон за обеденным столом в пансионе? Так что прощайся быстрее с нашими друзьями – и в путь.

Поспешное прощание, посадка в скромный экипаж, щелчок хлыста – и мы, с кучером-полукровкой, устремились прочь; и чем дальше мы уносились от дома с привидением, тем легче становилось у меня на душе. А может, дома без привидения, думал я не без трепета; что, если духа действительно посетила мысль последовать за нами? Если он прямо сейчас вырастет из-под земли и займет место рядом с Лили? А если мы и вправду от него избавились, не станет ли он

с особой жестокостью донимать наших хозяев? Брошенный влюбленный может озлиться из-за нашего отъезда и сделать жизнь в доме невыносимой для тех, кого считает своими гостями. С другой стороны, он может так расстроиться, что начнет чахнуть, сделается призраком самого себя и наконец совсем избавит семью от своего присутствия.

Чем все это кончилось, я так и не узнал. Дом остался позади, открытая местность сменилась лесной дорогой, показались городские ворота, и мы снова покатали по мощенным булыжником улицам, узким переулкам, обширным площадям, мимо старинного собора – и дальше к железнодорожной станции, и вот уже я благополучно водворил Лили на удобное место в промежуточном вагоне.

До отхода поезда оставался час, и я вернулся в город, чтобы сделать кое-какие покупки. Перво-наперво немного фруктов, еще панамскую шляпу, и под конец мне пришла мысль заpastись в дорогу каким-нибудь легким чтением. У дальнего конца собора располагалась книжная лавчонка, предлагавшая покупателям небольшую подборку самых расхожих книг. Несколько романов на испанском, кое-что из религиозной литературы – вот вроде бы и все. Но на верхней полке я заметил очень старый том – настолько потрепанный, что пришлось взять его в руки, чтобы как следует рассмотреть. Изданный век или два назад, он содержал биографии и описание заслуг двух десятков самых знаменитых испанских кавалеров и был иллюстрирован простенькими гравю-

рами. Торопливо листая книгу, я наткнулся на то, от чего у меня на миг застыла кровь в жилах, а именно на портрет нашего призрака, безошибочно узнаваемый, несмотря на низкое качество гравюры. Внизу, как будто с целью устранить все сомнения, было помещено факсимиле подписи – то самое причудливое сплетение букв, которым удивил нас как-то дон Мигель. Скользя взглядом по надписи, сопровождавшей портрет, я не стал торговаться, заплатил первую же названную цену и поспешил с книгой к поезду.

– Смотри! – Я сунул Лили раскрытый том. – Узнаешь? Теперь наконец тебе будет о чем написать домашним! Как ты думаешь, с кем ты флиртовала всю последнюю неделю? Глянь! Бог свидетель, не с кем другим, как с самим стариной Васко Нуньесом де Бальбоа¹⁸!

¹⁸ *Васко Нуньес де Бальбоа* (ок. 1475–1519) – испанский конкистадор, основатель первого европейского города в континентальной Америке (Санта-Мария-ла-Антигуа дель Дарьен на территории современной Колумбии); первым из европейцев пересек в 1513 г. Панамский перешеек и вышел на американский берег Тихого океана, который назвал Южным морем.

Портрет приора Поликарпа

1

Эту историю я намерен поведать во всех подробностях – свободно, ничего не утаивая и не приукрашивая. Некогда она причинила мне немалую досаду, но теперь, будучи уже в солидных летах и не интересуясь ничем, кроме своих профессиональных амбиций, я могу позволить себе вспоминать ее со снисходительной усмешкой.

Случилось это на Рождество. Думая о том, что обречен провести этот вечер дома, в одиноком, темном жилище, наедине с собственными печальными мыслями, я испытывал горечь и разочарование, однако делать было нечего. И когда ранним утром у меня в руках оказалось изящное письмецо от Мейбл Катберт с приглашением пообедать с нею в Приорстве¹⁹, сердце мое подпрыгнуло от радости и жизнь снова засияла всеми красками. Сам тон письма, далекий от официального, а сугубо приветливый и непринужденный, говорил о том, что в адресате видят не случайного знакомого, а очень близкого и надежного друга. Кроме того, Мейбл пре-

¹⁹ *Приорство* – небольшой католический монастырь, подчиненный аббатству по причине нехватки числа монахов (меньше 12) или отсутствия собственного настоятеля.

дупреждала, что других гостей не ожидается, мы с хозяйкой будем наедине.

Я даже представить себе не мог, что приглашение на рождественский обед способно так приятно меня взволновать. Оно спасало от перспективы трапезничать одному в своем холостяцком обиталище, в присутствии лишь квартирной хозяйки, миссис Чаббс, которая, подавая на стол тощего цыпленка, эту жалкую замену праздничного угощения, станет бдительно следить за моей тарелкой в расчете впоследствии ублажить себя остатками. Оно спасало и от тягостных размышлений после обеда, когда в густеющих сумерках каждая тень язвит душу и каждая протекшая минута усугубляет боль одиночества. Но теперь, избавленный от всех этих неприятностей, я более всего радовался тому, что приглашение пришло именно из Приорства. В последние два года его двери оставались закрытыми для гостей и никаких увеселений там не проходило. После смерти сквайра его дочь Мейбл жила затворницей, нигде не появлялась и никого не хотела видеть. Собственно, я был едва ли не единственным, кого в Приорстве принимали и привечали. Случилось так, что я был лечащим врачом сквайра в его последние дни и потому приобрел право продолжать свои визиты туда уже из дружеской заботы. Теперь же появлялись некоторые признаки того, что затворничество кончается и хозяйка возвращается в мир, и было приятно, что я по-прежнему первый среди тех, кто удостоен общения, причем объясняется это не толь-

ко моей профессией. Более того – почему бы не признаться с самого начала? – мне очень нравилось общество Мейбл Катберт, и от любого проявления ее благосклонности мое сердце начинало бешено колотиться.

В хорошем настроении, напевая что-то себе под нос, я начал небольшой обход пациентов на дому, который закончился после полудня. Вернувшись, я застал в кабинете миссис Чаббс, которая с показным усердием мыла окна. За этим занятием ее было трудно застать в Рождество, да и в любой другой день тоже, и я заподозрил, что внезапная забота о чистоте была просто предлогом, чтобы затеять разговор. И я не ошибся.

– Значит, доктор, вы собираетесь на обед в Приорство, – начала она. – И выходит, будете первым, кто все узнает.

– А откуда вам известно, миссис Чаббс, что я собираюсь в Приорство? – сурово спросил я. – Неужели вы позволили себе читать мою корреспонденцию?

На самом деле спрашивать не было никакой необходимости: на краешке записки из Приорства, которую я неосторожно оставил на столе, красовался несомненный отпечаток мыльного пальца. Произнося это, я в подтверждение своей правоты протянул записку миссис Чаббс, однако она была не из тех, кто запросто даст себя оконфузить или поставить на место.

– А хоть бы и прочитала, ну и что? А если, доктор Крофорд, вас нет и пришел пациент, а я присматриваю за каби-

нетом, а он спрашивает, где вы, а я говорю, не знаю, а он говорит, разыщите, и мне приходится поискать на столе, вдруг вы оставили записку про то, когда воротитесь, а он все подначивает, и я нахожу то письмо и думаю, вдруг там сказано, где вы, а потом понимаю, что это про сегодняшний вечер, — так что же, по-вашему, мне все забыть и никогда не вспоминать ни о случившемся, ни о том, что должно в этот день выйти наконец на божий свет? А, доктор Крофорд?

Багровая от негодования, миссис Чаббс опустила на пол, подобрала ведро и стремянку и, отложив уборку до другой поры, тяжелым шагом направилась к двери; конец лестницы при этом гордом отступлении угодил в медицинский шкаф, и хранившиеся там кости громко застучали. Обескураженный и раздосадованный, я счел, что ее замечание сделано невзначай и лишено смысла, и не стал выяснять, что же это за тайна, которую мне первому из смертных предстоит нынче узнать.

Вскоре, немного прибодрившись, я приготовил свой вечерний костюм, а потом снова принялся изучать записку. Только тут мне бросилось в глаза, что по какому-то недоразумению в ней не был указан час. Это вполне могло быть пять, как обычно у Мейбл, но не исключалось, что и позднее, по случаю праздника. Вначале я немного растерялся, а затем принял разумное решение. Выдвинусь к пяти и справлюсь у привратника. Если окажется, что я явился раньше времени, съезжу к старой миссис Раббидж и к назначенному часу вер-

нуть в Приорство. Старушка, пожалуй, решит, что фрак и белый галстук я надел из особого почтения к ее ревматизму, и, если фантазия пациента в самом деле чего-то стоит, пойдет на поправку скорее, чем от любых лечебных мер. Итак, в половине пятого я сел в двуколку и тронулся в путь.

Погода стояла бодрящая, не слишком теплая и не слишком холодная. Небо было затянуто облаками, и они, похоже, сгущались, но атмосферу оживляли крупные сухие снежинки; они не летели тебе навстречу и не кусали лицо, а тихо порхали в воздухе, и, пока я наблюдал, как одни медленно тают на медвежьей полости, которой я был надежно прикрыт, а другие, выбравшие более удачное место приземления, скапливаются пушистым одеялом – сначала прозрачно-голубоватым, а потом густо-белым – на земле и кустах вдоль дороги, их размеренное движение внушало мне чувство уюта. В прекрасном расположении духа, довольный собой и всем миром, я трясся потихоньку по дороге, и тут мне встретился пивовар Паркинс, кативший домой в собственной легкой повозке.

– Куда собрались, доктор Крофорд? – спросил он.

– В Приорство, мистер Паркинс, на обед. Не то чтобы званный вечер, – пояснил я. – Других гостей, наверное, не будет.

– Ах в Приорство? Счастливчик вы, доктор. А я как раз говорил миссис Паркинс, что надо бы пригласить вас к нам, но теперь вам светит кое-что куда лучше... Да, знатные бывали обеды в Приорстве, когда был жив сквайр, и наверня-

ка... Выходит, доктор, вы будете первым, кто все узнаёт. Хотя, я думаю, узнаем и мы все, но только позже.

– О чем это я узнаю, мистер Паркинс?

Но лошадь, не дав ему ответить, припустила вскачь и мгновенно унесла его на полсотни футов. Кучер из Паркинса был никакой, хотя сам он думал иначе. Подобные истории случались с ним раза три-четыре за год. В тот день он удалялся, расставив локти, с веселым «Но!» и всячески изображая мастерское владение поводьями, однако я не мог отделаться от впечатления, что жеребцом движет инстинкт, зовущий его домой, к рождественскому овсу; на самом деле он понес, и Паркинс, как бы ни старался, не смог бы его удержать. Так или иначе, в результате расстояние между нами стремительно увеличивалось и мой вопрос остался без ответа.

«Ну что ж, – подумал я, озаботившись замечанием пивовара так же мало, как словами миссис Чаббс, – есть по крайней мере один предмет, о котором я нынче вечером кое-что узнаю».

Выше я уже поведал, что ничто в жизни не радовало меня больше, чем общение с Мейбл Катберт; теперь же, понятное дело, я мысленно обратился к своим пока еще не высказанным нежным чувствам. Месяцами пытался я их подавить, но тщетно. Этой любви не виделось конца, она не давала мне покоя, и пора уже было, конечно, открыть для себя если не какие-то тайны, то хоть что-то насчет ее перспектив: ожидает ли меня крах всех надежд или их постепенное превраще-

щение в сладостную уверенность? И какой же день, если не нынешний, исполненный воодушевления и веселья, наилучшим образом подходил для того, чтобы как-то приблизиться к решению своей судьбы? В какое еще время, если не в Рождество, когда царит радость и не смолкают поздравления, я смогу уловить некий случайный, но столь важный для меня намек?

Я уже успел постепенно убедить себя, что строю надежды не на пустом месте. Те, кто не знает всех обстоятельств, сочли бы, несомненно, мои замыслы в отношении Мейбл решительно неуместными и самонадеянными. Ей не было двадцати пяти, мой возраст приближался к сорока. Ей предшествовал длинный и славный ряд предков – я мог проследить свой род только до деда, тоже деревенского врача. Однако, если посмотреть на дело с другой, прозаической, но оттого не менее важной стороны, накопления Кроффордов долгое время прирастали и я мог смело назвать себя человеком состоятельным, тогда как Катберты поколение за поколением теряли то поле, то каменоломню, и под конец от их земельных владений сохранилось не больше половины. Половине оставшегося нынче тоже грозила опасность: близился к завершению процесс в суде лорд-канцлера²⁰ о праве владения пятьюстами акрами фамильных земель, продолжавшийся с

²⁰ Суд лорд-канцлера, или Канцлерский суд (*англ.* Court of Chancery), – со средневековых времен и до 1873 г. высший судебный орган Великобритании под председательством лорд-канцлера (министра юстиции); в своей деятельности руководствовался только справедливостью, а не писаными законами.

черепашьей скоростью уже два десятка лет, и шансы противной стороны выглядели явно предпочтительней. К тому же последние два года Мейбл, как уже говорилось, прожила в строгом уединении, мало кому показывалась и не имела возможности произвести впечатление на поклонников, меж тем я, чуть ли не единственный ее посетитель, на правах верного и ценимого друга бывал у нее едва ли не каждодневно. Как-то я поделился с нею теми крохами французского, какими владел, и мы часто читали друг другу вслух французские книги. Поэтому мне думалось, что эта приязнь должна принести свои плоды. Я привык, что Мейбл всегда встречает меня сердечным рукопожатием и солнечной улыбкой. Что это означало: любовь или просто дружбу? Ей-богу, я мог об этом только гадать, хотя иной раз заглядывал в глубину ее глаз, ища там какого-то беглого, случайного выражения, которое бы выдало ее истинные чувства. Все это время я не переставал надеяться и верить в лучшее; и казалось, Рождество – самый подходящий день, чтобы получить наконец ответ на вопрос, сильно ли я заблуждался.

2

С мыслью о своих надеждах и все же не без тревоги я около пяти вечера добрался до Приорства. Здание ничем не привлекало взгляд. Даже в лучшие свои дни оно принадлежало к самым малым и захудалым религиозным сооруже-

ниям королевства, а попав в светские руки, после каждой пристройки и переделки становилось только хуже. Самобытную старую колокольню снесли, колокол увезли в отдаленную приходскую церковь. Часовня ветшала и наконец обрушилась, и место, где она стояла, расчистили, сочтя излишним восстанавливать этот бесполезный придаток. Трапезную поделили на несколько помещений; при этом, к несчастью, изрядно пострадала старинная дубовая обшивка. В минувшем веке некий вандал-владелец распорядился сколоть с фасадов скульптурную символику, поскольку решил, что на жилом здании она выглядит неуместно. Одну за другой Приорство утратило много привлекательных черт прошлого, каменную кладку кое-где заменили кирпичной, и в конце концов оно превратилось в скучное, ничем не примечательное прямоугольное строение, которое вполне можно было принять за современное; искусству предпочли объем, украшениям – практичность. Вдобавок постепенно ушла в чужие руки ббольшая часть относившейся к Приорству земли, не осталось почти ничего, кроме лужайки и сада; да и рыцарский титул, принадлежность первого светского владельца, уплыл в неизвестном направлении, как это загадочным образом иногда случается с титулами; из сказанного ясно, что наследство Мейбл Катберт не делало ее ни богачкой, ни влиятельной персоной графства. И все же усадьба по-прежнему именовалась Приорством, ибо такова сила английских

традиций²¹; и, как станет понятно в дальнейшем, некоторые традиции укоренились здесь настолько прочно, что перемена внешних обстоятельств никак не могла на них повлиять.

Задержавшись на минуту у домика привратника, я внимательно огляделся, но ровным счетом никого не увидел. Обитатели сторожки, несомненно, отправились куда-то праздновать Рождество, и ворота были гостеприимно распахнуты для любого, кто пожелал бы войти. Поэтому я решился въехать, хотя не без колебаний, – я не хотел, ошибившись часом, явиться под окна раньше срока. Но до этого не дошло: у самого угла, до выезда к главному фасаду, мне встретился дворецкий Роупер, стоявший на боковом крыльце. Я знаком подождал его к себе.

– Обед, как обычно, в пять, Роупер?

– Сегодня в семь, доктор... Рождество.

– Ага! Ну тогда я съезжу по вызовам и вернусь позднее.

– Лучше будет, доктор Крофорд, если вы войдете и подождете внутри. Мисс Катберт наверняка вас не увидит. Она отдыхает у себя в спальне в задней части дома и вряд ли выйдет до семи. Двухолку я велю отвезти на ту сторону, в ко-

²¹ *И все же усадьба по-прежнему именовалась Приорством, ибо такова сила английских традиций...* – В ходе Реформации, проведенной в Англии «сверху», по воле короля Генриха VIII Тюдора (1491–1547, годы правления – 1509–1547), в стране была осуществлена секуляризация монастырского имущества и земель, которые оказались конфискованы в пользу короны, а затем проданы (либо пожалованы в собственность) средне- и мелкопоместному дворянству и буржуа. При этом новоиспеченные поместья порой сохраняли прежние названия.

нюшню, а вас проведу потихоньку в библиотеку, куда хозяйка заглядывает редко, и буду помалкивать, пока не придет время объявить о вашем прибытии.

Предложение было заманчивое, и я в замешательстве огляделся. Впрочем, не в таком уж и замешательстве: я с самого начала подозревал, что затруднение разрешится подобным образом. Небо затягивало тучами, снег сыпал все гуще и укрывал землю все плотнее, колеса вязли в сугробах, и у меня пропадало всякое желание любоваться их кристальной белизной; ревматизм старой миссис Раббидж ничуть не зависел от того, состоится или нет мой визит... через полуоткрытую дверь виднелся камин, полыхавшее там пламя бросало отсветы на наружную стену... короче, я поразмыслил и сдался.

– Думаю... думаю, Роупер, так и впрямь будет лучше.

Произнося это, я покашливал и самым тоном изображал, будто нехотя подчиняюсь некоему велению долга. Каждым движением демонстрируя ту же неохоту, я медленно выбрался из двуколки, бросил вожжи мальчишке, которого подзывал Роупер, отряхнул с пальто снежные хлопья и позволил проводить себя через холл в библиотеку.

Это была уютная старомодная комнатуха, выкроенная вместе с соседней столовой из длинной монастырской трапезной. Как уже говорилось, при переделке убрали немалую часть резной деревянной обшивки, но частично возместили потерю драпировкой из цветной кордовской кожи; кро-

ме того, случаем уцелел первоначальный деревянный потолок, и благодаря всем этим приятным деталям комната имела вполне живописный вид. Дополнительным украшением служил широкий старомодный камин; живопись на стенах закоптилась и выцвела настолько, что едва прочитывалась, и это усиливало общее впечатление благородной старины. Помещение называлось библиотекой, но книг там было не много: покойный сквайр не принадлежал к любителям литературы, а интересы его предшественников в основном ограничивались пособиями о лошадях, собаках и охоте. Собственно, книжный шкаф имелся только один, и тот маленький, и его содержимое вряд ли могло привлечь обычного читателя, так что туда годами мог никто не заглядывать. Однако на небольшой консоли между окнами стояло несколько томов, принадлежавших Мейбл, чьими стараниями в семействе проклюнулись первые заметные ростки культуры; а кроме того, на большом дубовом столе в центре комнаты лежали утренние газеты и самые популярные в то время журналы, которые читала сама Мейбл.

Опустившись в глубокое мягкое кресло, я взял «Корнхилл»²² и приготовился приятно провести ближайшие два часа, но тут вернулся Роупер. Стоя на боковом крыльце, он был одет по-домашнему, и ничто не отличало его от других слуг рангом ниже. Теперь же, готовясь выступить в офи-

²² «Корнхилл» – «Корнхилл мэгэзин», ежемесячный литературный журнал, издававшийся в 1860–1975 гг.

циальной роли, он облачился в парадную униформу – черный костюм.

– Не желаете ли небольшой ланч, доктор Крофорд? – предложил он. – Булочки, печенье – для аппетита?

Идея показалась мне очень здравой.

– Не уверен, Роупер, но, пожалуй, да, – ответил я тем же притворно-неуверенным тоном, что и раньше, когда согласился подождать в доме, хотя и в том и в другом случае результат был вполне предсказуем. – Как вы сказали, – (я не сразу вспомнил, что он ничего такого не говорил), – путь был очень дальний, мороз немного кусался и... да, Роупер, если подумать, соглашусь, что кусочек-другой мог бы проглотить.

С широкой ухмылкой (отчего – понятия не имею) Роупер повернулся к двери.

– Я принесу закуску сюда, доктор, – сказал он, – в столовой сейчас накрывают к обеду. К тому же здесь вас наверняка никто не потревожит.

Убрав с библиотечного стола кипу газет, он ушел и вскоре вернулся с основательно нагруженным подносом, который поставил перед мной. Набор оказался весьма неплох: джем, булочки, остатки пирога с дичью, тонкое печенье, маслины; любой завзятый эпикуреец был бы доволен таким разнообразным меню. «Если Роупер так представляет себе ланч, то каков же будет предстоящий обед?» – мелькнула у меня мысль, и я решил по возможности не давать себе воли и настроился на суровое воздержание. Но, вероятно, я все же не

справился с собой. Долгая дорога до крайности обострила мой аппетит, а после первых кусков он возрос еще больше. Как бывает в подобных случаях, мало-помалу благие намерения были забыты, и кончилось тем, что легкая закуска превратилась в обильное пиршество.

Ближе к его завершению я обнаружил, что голод уступает место жажде, и меня удивило, что Роупер не подал мне вина. Требовалось всего ничего, какой-нибудь наперсток, чтобы запить пирог с дичью и размочить сухие рогаики. Не было даже бокала воды, и в целом положение создалось весьма странное. Конечно, поступок Роупера объяснялся простой забывчивостью, и все же с какой стати он обо мне забыл? Пренебрежение не было намеренным, тем не менее я немного обиделся. Роуперу следовало быть внимательней, тем более что я посещал этот дом постоянно и к моим вкусам давно можно было приноровиться.

Ворча про себя, я заметил на резной угловой полочке у двери бутылку вина. Низенькая, но объемистая, она вмещала, наверное, чуть больше пинты²³. На ней была желтая пломба, и даже издалека сквозь сгушавшиеся сумерки я видел, что ее горлышко и бока покрыты толстым слоем пыли. Несомненно, вино в ней было превосходное, и меня осенило, что Роупер, конечно же, предназначал ее мне. Скорее всего, он принес ее вместе с подносом, по пути поместил на пол-

²³ *Пинта* – единица объема в английской системе мер, приблизительно равная 1/2 л.

ку, чтобы она не опрокинулась, когда он будет расставлять в тесноте блюда, и предполагал за ней вернуться. И разумеется, – чего уж проще? – начисто забыл. Рядом с бутылкой обнаружился очень кстати миниатюрный серебряный штопор, словно бы подтверждавший мою догадку.

Я пересек комнату, перенес драгоценную бутылку на свой стол и начал рассматривать против света. Стекло было темное и толстое, а слой пыли делал его еще темней и толще, так что судить о содержимом не представлялось возможным. И только по весу и по тонкой разделительной линии в верхней части горлышка я понял, что бутылка полна, – пока что все мне благоприятствовало. В конце концов, единственный способ оценить содержимое бутылки – это его попробовать, и в данном случае все говорило о том, что мне надо это сделать. Поэтому я вытащил пробку и, не имея под рукой стакана, сделал изрядный, журчащий глоток прямо из горла.

Вино было просто превосходное – портвейн, насколько я мог судить. Я никогда не выдавал себя за знатока вин, но умею отличить добрый портвейн от ягодного вина, водянистое вино от насыщенного. Этот напиток оказался пряным и ароматным, однако с некоторой странной кислинкой, как будто его слишком долго хранили. Я читал, что вино по прошествии определенного количества лет начинает терять свои качества; и мне подумалось, что, если бы эту бутылку открыли несколькими годами раньше, его усладительные свойства выявились бы полнее.

И все же по трезвом размышлении я порадовался тому, что этого не произошло, ведь тогда мне не довелось бы отведать вина; и пусть оно даже немного испортилось и не соответствует выдуманному кем-то стандартам абсолютного совершенства, ничего равного ему я до сих пор не пробовал и оно как нельзя лучше подошло для того, чтобы запить пирог, делавшийся теперь черствым и безвкусным. Потому я любовно придвинул бутылку к своей тарелке и, должным образом оросив горло, сумел осилить еще немного дичи, снова почувствовал сухость во рту, после чего сделал еще глоток. Так, прикладываясь то к пирогу, то к горлышку бутылки, я продолжал до тех пор, пока не обнаружил, что больше ничего выдоить невозможно, и с некоторым удивлением понял, что выпил все без остатка.

Не скажу, что это меня огорчило. Я был вполне удовлетворен. Пирог еще оставался, но уже почти утратил свою притягательную силу, а что до вина, то мне не хотелось больше ни глотка. Я был сыт, доволен собой и окружающим миром. Навевшись, я обрел спокойное и счастливое расположение духа; можно было откинуться на спинку кресла, сложить руки на животе и, ни о чем не заботясь, мирно вздремнуть час-полтора до обеда.

И лишь одна мелочь поначалу немного меня тревожила. Вино очевидно предназначалось мне, однако я допустил вольность, угостившись им без спросу. Теперь, полностью себя ублажив, я стал склоняться к мысли, что было бы разум-

нее подождать, пока Роупер поставит передо мной бутылку. Он мог бы вовсе забыть о моих нуждах, и я и дальше обдираю бы себе глотку сухим пирогом, но лучше уж так, чем столь явно проявить свою несдержанность. И еще один промах: я выпил вино из горла, вместо того чтобы позвонить и попросить стакан. Поступок сам по себе грубый и неприглядный – выдающий не только неумение почтительно относиться к хорошему вину, но и желание скрыть свою провинность. Как исправить эти ошибки и хотя бы отчасти поддержать пошатнувшееся самоуважение?

Оставалась, собственно, лишь одна возможность: вернуть бутылку на боковую полку и тем избежать немедленного разоблачения. Я водворил бутылку на прежнее место, предварительно вогнав пробку по самое горлышко, а рядом пристроил штопор. Затем я снова опустился в кресло, и мои мысли потекли прежним безмятежным потоком. Провинность, по крайней мере на время, была худо-бедно прикрыта, и я мог выбросить ее из головы. Да и что такого страшного я совершил? Выпил вино, которое мне же и предназначалось, но по забывчивости дворецкого не было поставлено на стол. Да, это была вольность с моей стороны, но разве станет кто-то меня упрекать? Мейбл о ней никогда не узнает, а Роупер, обнаружив случившееся, промолчит – он и сам в подобных обстоятельствах поступил бы так же. Удивленного взгляда его рыбьих глаз я избегну, поскольку успею уйти раньше, чем будет обнаружено, что бутылка пуста, а как он станет смот-

реть на меня впоследствии, меня заботит мало.

Утешив себя и восстановив душевное равновесие, я еще уютнее устроился в кресле, снова взял в руки «Корнхилл», пролистал страницу или две и, предполагая, погрузился в мимолетную дремоту. Я думаю так потому, что не заметил, как в комнате опять появился Роупер. Я пробудился от звяканья посуды и, открыв глаза, увидел, как он забирает со стола остатки моего недавнего ланча. С грудой приборов на подносе он доковылял до двери, кое-как отворил ее тыльной стороной ладони и, придерживая ногой, стал протискиваться наружу. При этом он обернулся ко мне, чтобы бросить напоследок:

– Ну вот, доктор Крофорд, он и настал, этот великий день.

– Что за день, Роупер?

– День, когда мы всё узнаем; день, когда будет открыта бутылка, что простояла двадцать пять лет.

3

Когда за Роупером с его подносом закрылась дверь, я вскочил как ужаленный. Сперва меня продрал озноб, а потом обдала жаром прихлынувшая к голове кровь. Захотелось оказаться где-нибудь далеко-далеко – в самом сердце Китая или на глубине десяти футов под землей, – только бы не вблизи от обличавшей меня злополучной бутылки. Лучше было бы прыгнуть в колодец, вознестись на воздушном ша-

ре к звездам, подвергнуться любым гонениям или пыткам, чем по велению жестокой судьбы встречать это Рождество в Приорстве.

Да, я вспомнил наконец всю историю. С тех пор прошло немало лет, я был тогда подростком. До меня доходили толки, но я, скорее всего, пропустил бы их мимо ушей, если бы на два или три года они не сделались притчей во языцех. Дальше их ожидало забвение, однако как есть на свете люди, которые без видимой цели и смысла год за годом записывают данные о температуре воздуха и направлении ветра, так есть и другие, вознамерившиеся хранить сведения обо всем необычном и загадочном, чтобы в подходящую минуту вновь извлечь их на свет. Кто-то из таких людей, несомненно, взял на заметку пресловутую бутылку и накануне назначенной даты воспытал любопытством сам и заразил им всю деревню.

Совсем недавно минуло четверть века с того дня, когда умер дед Мейбл, которого называли Старым Сквайром. Его состояние, само собой, было завещано потомкам. К завещанию прилагалась отдельная записка с простым распоряжением относительно одной, строго определенной бутылки вина, которую надлежало хранить в надежном месте четверть века, чтобы затем, в ближайшее Рождество, ее открыл тот, кто будет к этому времени владельцем Приорства. Разумеется, такой наказ не мог не породить сплетен и догадок. Кто-то – очень немногие – видел в нем шутовскую причу-

ду Старого Сквайра, не стоящую того, чтобы о ней задумываться, но большинство считало иначе. И чем оживленней шло обсуждение, тем более удивительным казалось дело и тем многочисленней и неправдоподобней становились версии. Иные верили, что вино представляет собой новооткрытый эликсир, который способен возвращать ушедшую молодость и сможет обеспечить дому Катбертов вечную жизнь; хотя, надо признать, сторонников этого предположения нашлось не много, в основном из разряда невежд и любителей сверхъестественного. Другие думали, что, поскольку Молодой Сквайр, отец Мейбл, не отличался, по общему мнению, ни особым умом, ни деловой хваткой, Старый Сквайр, высчитав, что через двадцать пять лет хозяйство будет разорено, изобрел способ пополнить по истечении этого срока семейные запасы. Этой цели мог послужить манускрипт в бутылке с указанием места, где спрятан клад. Говорили, будто в английской истории известны случаи, когда предок столь замысловатым способом заботился о судьбе своих наследников, однако никто не мог, будучи спрошенным, привести хотя бы один достоверный пример. Находились и те, кто утверждал, что в бутылке может таиться сам клад, а вовсе не указание, где его искать. Если финансовые обязательства семейства не выйдут за разумные пределы, для их покрытия вполне хватит нескольких крупных алмазов, которые ничего не стоит поместить на дно бутылки; надежно упакованные, чтобы не выдать себя раньше времени, они лежат под спудом,

ожидаю часа, когда их обнаружат.

И конечно, правы оказались те немногие, кто мыслил здраво и логично. В бутылке находилось не сокровище, а всего-навсего толика хорошего портвейна. Старый Сквайр был человеком эксцентричным, большим любителем сюрпризов и мистификаций. Несомненно, как-то во время веселой попойки, держа в руках бутылку особо любимого вина, он посетовал, что его потомкам не будет дано испытать подобное наслаждение, и ему пришла мысль с ними поделиться, для чего он торжественно обрек напиток на четвертьвековое ожидание своего часа. Возможно, он тут же об этом забыл, но, скорее всего, время от времени представлял себе с усмешкой их грядущее разочарование и жалел только, что не сможет за ними понаблюдать. Как оказалось, это был лучший способ остаться в человеческой памяти; бронзовый монумент не послужил бы данной цели более успешно. И вот мне открылась эта тайна: всего лишь вино, не сделавшееся вкуснее от долгого хранения.

«Всего лишь» – для кого-то, а мне эта история грозила самыми печальными последствиями. Вся деревня бурлит от нетерпения; станет известно, что я приглашен присутствовать при вскрытии бутылки; от меня потребуют, чтобы я поделился хранившимся так долго секретом; и – увы! – что же я скажу? Отказаться отвечать, прикинувшись, будто тайна не подлежит разглашению? Но Роупер тоже будет присутствовать, и он выдаст правду. Признаться, что сам выпил вино,

нельзя – это приведет к полному моему краху. Всю оставшуюся жизнь меня будут сопровождать насмешки и подозрения. На меня станут указывать как на того самого доктора, который, будучи в гостях, присвоил и втихаря выхлебал целую бутылку фамильного вина. Кто после этого решится пустить меня к себе в дом? И много ли будут стоить профессиональные советы врача, о котором пойдут толки, что он имеет обыкновение употреблять вино бутылками, причем не в столовой, за дружеским застольем, а спрятавшись ото всех, в угрюмом одиночестве? Более того, приверженцы версии с алмазами усомнятся в том, что в бутылке вообще было вино, и скажут, что я стянул накопленные Старым Сквайром алмазы, ограбив ради собственного обогащения его ничего не подозревавшую красавицу-внучку!

Мне показалось, что воздух в комнате сгущается... дышать стало трудно; схватив шляпу, я выбежал наружу, чтобы собраться с мыслями. Выходя, я заметил, что Роупер стоит у окошка и провожает меня несколько удивленным взглядом. Да уж, его можно было понять. Снегопад усилился, лодыжки уже тонули в снегу. Ветер разгуливался, небо темнело, ночь явно предстояла бурная. Пальто на мне не было, тонкие ботинки едва лигодились для прогулок по сугробам; с какой же стати мне пришло в голову променять уютное, яркое пламя камина на мглистое ненастье за порогом? Но меня в ту минуту мало заботило, что подумает Роупер, – мне нужно было только привести в порядок свой смятенный разум, и

это легче было сделать не в замкнутом пространстве комнаты, а в широкой дубовой аллее.

Постепенно из хаоса мыслей родился вопрос: а как скажется моя ошибка на надеждах, связанных с Мейбл? Возможно ли, чтобы злосчастная бутылка им не помешала? Что, если, при всей моей уверенности в успехе, чувства Мейбл как раз колеблются на грани между дружбой и истинной любовью и на исход может повлиять любая мелочь? Если Мейбл решит, что загадка, обернувшаяся пшиком, сделала ее посмешищем в глазах всей деревни, и я, будучи виновником этого, утрачу таким образом ее расположение? Что, если она, уже готовясь наделить меня правами нареченного жениха, усмотрит некую вызывающую самоуверенность в том, как смело я распорядился ее имуществом, и, соответственно, примет решение не в мою пользу? А если в ней все же дремлет не проявлявшаяся ранее подозрительность и она заодно со всеми усомнится, что в бутылке не было ничего, кроме вина? Поверит в версию с бумагами или ценностями, которыми я тайком завладел? С какой стороны ни посмотри, история с проклятой бутылкой сулила мне только самые мрачные, убийственные перспективы.

За размышлениями я не заметил, как оказался в конце дубовой аллеи, у конюшен. Там стоял мой жеребец, и конюх Джо чистил его при свете фонаря.

– Сделайте так, Джо, чтобы можно было в любую минуту его запрячь, – попросил я. – Как бы мне не пришлось срочно

уехать по вызову – хотя бы к старой миссис Раббидж. Собственно, если не поступит другого распоряжения, пусть двуколка будет готова к восьми.

– Понятно, – ответил Джо. – Будет сделано. И... доктор...

– Что?

– Нынче ведь тот самый день? Скоро мы про бутылку...

Я развернулся и поспешил обратно к дому. Из всех жителей деревни, кто старше одного года, найдется ли хоть один, кто не томится, ожидая раскрытия этой тайны, которой на самом деле грош цена? Если бы я набрался храбрости откровенно поведать о ней Мейбл! Но, даже набравшись храбрости, нужно было еще улучшить момент для разговора, шансов же на это почти не оставалось: скоро нас должны были пригласить к столу, а Мейбл вряд ли выйдет заранее. Вот если б мы были уже обручены, тогда я мог бы признаться свободно, с полной уверенностью, что тут же, на месте, получу прощение! Какая досада, что я не воспользовался удобным случаем, занимаясь с нею французским и литературой, когда нужно было заговорить, а я, дурень, побоялся! Найти бы возможность сделать то, с чем я из-за глупой робости промедлил, и тогда, узнав о моем опрометчивом поступке, Мейбл не мешкая с улыбкой простила бы меня! Но увы, час разоблачения близился, Роупер все время был рядом, для объяснения в любви не оставалось времени.

Пока я все это обдумывал, мне словно бы черт шепнул на ухо идею столь странную и причудливую, что даже сейчас,

пытаясь приискать ей задним числом хоть сколько-нибудь разумное оправдание, я не понимаю, почему она так прочно мной завладела. Никогда подобная мысль не задержалась бы в моей голове ни на секунду, если бы мной не владело смятение; она даже не пришла бы мне на ум, если бы я не искал так отчаянно хоть какой-то выход. Идея заключалась в том, чтобы все-таки сделать Мейбл предложение до того, как моя неловкость будет разоблачена, причем таким способом, что знать об этом будем только мы двое. Я мог бы предложить ей руку и сердце письменно и... поместить записку в бутылку!

Это был безумный план, и лишь крайнее волнение причиной тому, что я за него ухватился. И однако, даже самым нелепым авантюрам иной раз сопутствует успех, ибо сама их нелепость отвлекает внимание от деталей, которые могли бы указать на их несостоятельность. В первый момент я и правда забраковал этот план, но уже в следующий он обрел четкость и убедительность. На долгие споры с собой не оставалось времени. Едва зародившись, он был принят, так что весь процесс напомнил молниеносное озарение. Когда это решение пришло мне в голову, я под наплывом смятенных мыслей схватился за лоб и, не успев еще убрать руку, окончательно одобрил свои намерения и утвердился в них.

Да, я помещу свое признание в бутылку, и это не может не привести к счастливому результату. Мейбл откроет ее, найдет свернутую бумажку. Это нисколько ее не удивит, ведь у гадалей была среди других и такая версия: в бутылке нет

вина, а есть какой-то рукописный документ. Она развернет бумагу, поднесет к свету. Первые слова ее изумят, ничего подобного она не ожидала, но Мейбл возьмет себя в руки и продолжит чтение, чтобы узнать смысл происходящего. И мало-помалу он проникнет в ее сознание – не сразу, а постепенно, когда она соберется с мыслями. Поняв, что я имею в виду, она немного помолчит, а я стану ждать ответа; и в этот промежуток времени все иные загадки и ожидания, связанные с бутылкой, если не забудутся вообще, то окажутся вытеснены на задний план, потонут в душевной сумятице и ни досады, ни разочарования не последует. Если мои нежные чувства отвергнут (чего я мало опасался, памятуя о том, как благосклонно Мейбл держалась со мной в последнее время), то, конечно же, не гневно, а с печалью²⁴, и тогда Мейбл из жалости простит мне заодно и другой самонадеянный поступок, а именно неловкость с бутылкой. Если же мое предложение будет принято, то во имя любви я буду прощен за все, что бы ни сделал. Я мысленно рисовал себе эту картину. На мгновение Мейбл растеряется под напором нерешительных мыслей и застынет, прикрыв лицо рукой. Но очень скоро мне случится уловить меж пальцев ее робкую улыбку. Потом, словно не в силах более скрываться, она уронит руку и ее лицо просияет нежностью и ответной любовью перед моим ищущим взором. Таков будет ее отклик, и, конечно,

²⁴ ...не гневно, а с печалью... – Провербиальное выражение, впервые встречающееся в «Гамлете» (I.2.231) Шекспира.

его мне будет достаточно. Но не исключаю, что она решится на большее. В подтверждение своего согласия она вынет из букета цветочек и с игривой непосредственностью протянет через стол мне, а я, приняв его из ее руки, вставлю себе в петлицу. Но тут, подумалось мне, картина обернется несколько юмористической стороной, потому что застывший рядом с нами в торжественной позе Роупер начнет с обычным своим туповатым видом гадать, что же такое было в бутылке, – и как же далек он будет от истины! Он увидит вынутую из бутылки записку, спросит себя, не содержится ли в ней указания на клад, и даже не заподозрит, что речь идет о том кладе, который долго таился в глубинах моего сердца. Он увидит, как перейдет из рук в руки цветок, сочтет это ничего не значащим галантным жестом и даже не распознает в нем общеизвестный символ обмена сердцами.

Увлеченный своим замыслом, горя желанием осуществить его как можно скорее, я поспешил обратно в дом, и мне по-прежнему не было дела ни до темноты, ни до снегопада. Чуть ли не бегом я ворвался в холл, а затем в библиотеку.

Там был Роупер, который зажег в подсвечниках восковые свечи; царивший прежде полумрак сменился ярким светом. Отблески падали на мебель и стены, рождая живописную игру светотени, драпировки из кордовской кожи переливались приятными тонами. Однако мне было не до любования искусственными эффектами; первым делом я бросил взгляд

на бутылку, проверяя, на месте ли она. Бутылка оставалась на полке, а ходивший туда-сюда Роупер не заметил своими старыми подслеповатыми глазами ни непорядка с пробкой, ни потревоженной пыли. Снова завладев бутылкой, я вынул пробку и принялся осматриваться в поисках листа бумаги.

Но бумаги под рукой не оказалось; как уже говорилось, библиотека являлась таковой разве что номинально, хотя не служила и кабинетом. Не растерявшись, я вынул из кармана тетрадочку, в которую обычно записывал рецепты. Бумага была слишком тонкая и шершавая, но времени оставалось в обрез, и я не обратил на это внимания. Стрелки часов приближались к семи, и мне следовало поторопиться. Оформление записки не имело значения, важны были только слова. Положив тетрадку себе на колени, я тупым карандашом наскоро нацарапал свое любовное объяснение.

«Не откажите мне, дорогая Мейбл, – писал я, – во всей той любезной снисходительности, коей столь щедро одарила вас природа, дабы я мог набраться смелости и высказать свою любовь, питаемую к вам, и только к вам. Питаемую с давних пор, ибо не знала моя душа иных приоритетов, кроме вашего портрета, в ней запечатленного. И если я позволял своим чувствам так долго таиться, объясняется это не слабым их пылом, а робким неверием в то, что мои самонадеянные притязания на вашу благосклонность вас не оскорбят. Так даруйте же мне вашу улыбку в знак того, что прощение моей дерзости скреплено печатью и тягостным мукам ожи-

дания положен отныне конец».

«А все-таки неплохо придумано, – довольный собой, подумал я, когда послание было свернуто и помещено в бутылку. – Ведь если бы я обратился к натужной устной риторике, мои слова прозвучали бы не столько решительно, сколько умоляюще».

Я вбил пробку на место, ненадолго поднес к горлышку пламя свечи, поправил оплавленный воск и вернул бутылку на полку. Едва я с этим управился, как зашуршали шелка и в комнату вошла Мейбл.

4

Никогда прежде Мейбл так не ошеломляла меня своей красотой, никогда я не бывал так ею очарован. Без малого два года она носила глубокий траур, но теперь, судя по всему, приготовилась вернуться в свет. Матовый черный подвергся изгнанию, его место занял бледный шелк какого-то новомодного оттенка, названия которого я не запомнил, удивительно подходивший к ее свежему лицу и яркому блеску глаз. От меня не укрылись и прочие свидетельства того, что одеяния скорби остались в прошлом, а именно украшения, назвать и определить которые я не умел, но заметил, что они, не слишком привлекая внимание, придают ее облику еще больше прелести и грации. Не будучи знаком с обычными женскими ухищрениями, не возьмусь судить о тех прие-

мах, которые в совокупности умножали ее чары; скажу только, что давно уже ценимая мною привлекательность Мейбл благодаря этим изощренным средствам засверкала новыми красками. Глядя, как она – с головы до ног сплошное изящество и совершенство, – прежде чем шагнуть мне навстречу, молча застыла на пороге, я готов был пасть к ее ногам и произнести признание куда более пылкое, чем то, что записал на бумаге. И тут меня накрыла мимолетная тень уныния. Возможно ли, чтобы эта услада зрения предназначалась мне одному? Не без усилия я заставил себя вспомнить ее недавние благосклонные речи, исполненные доброты взгляды, и вновь уверился, что все хорошо.

– Было бы излишне, доктор Кроффорд, желать вам счастливого Рождества, – произнесла Мейбл, приближаясь и, по своему всегдашнему приятному обыкновению, протягивая мне навстречу обе руки. – Вам, поскольку вы так добры и черпаете удовлетворение в своем благородном труде, каждый день сулит веселье – или по крайней мере счастье.

– Счастливей этого дня, мисс Мейбл, быть не может, – отвечал я и опять едва удержался от того, чтобы признаться в своих чувствах. В самом деле, каково было противиться желанию заключить ее в объятия и не выпускать, пока она не пообещает стать навеки моей! – И радостнее тоже, раз я вижу вас столь счастливой и цветущей. И вы предоставили мне приятную возможность первым поздравить вас с Рождеством! Ну как тут не быть благодарным?

– Право же, это такая малость, – отозвалась она. – А как же благодарна я, что у меня имеется добрый друг, с которым можно разделить радость сегодняшнего праздника! Садитесь, дорогой доктор; Роупер, наверное, позволит нам ненадолго пренебречь предусмотренными данным случаем формальными обязанностями, а я хочу тем временем кое-чем с вами поделиться.

– Прошу, мисс Мейбл. – И я уселся рядом с нею на диване.

– Прежде всего, я должна снова поблагодарить вас за то, что вы так быстро и охотно откликнулись на мое скромное приглашение. Как вы видите, сегодня я слагаю с себя внешние атрибуты скорби и готовлюсь вновь занять свое место в мире за пределами дома. И что доставит мне при этом большее удовольствие, чем бодрящее присутствие моего первого, лучшего и, быть может, единственного друга?

– Ах, мисс Мейбл! – только и выдавил я из себя.

– И опять же, к кому еще обращусь я за помощью или, быть может, советом, исполняя то, что мне сегодня надлежит исполнить? Вы ведь слышали, доктор Крофорд, про эту мою обязанность? Знаете, в чем она состоит?

– Думаю... то есть слышал что-то...

– Да, вижу, кое-что вам уже известно... про ту самую бутылку. Как вы знаете, мой дед завещал своим наследникам открыть ее в Рождество, когда пройдет двадцать пять лет со дня его смерти. Сегодня это время пришло. Вы понимаете, конечно, что я немного волнуюсь и хотела бы сделать это не

в одиночестве, а при участии близкого и дорогого мне друга, от которого требуется если не помогать, то быть свидетелем предстоящих открытий или происшествий и тем предотвратить соседские выдумки и сплетни?

– Но как же быть, мисс Мейбл, если в бутылке ничего не обнаружится... если это распоряжение – всего лишь шутливая причуда вашего деда? Если окажется, что бутылку кто-то когда-то вскрыл по недоразумению...

– Дорогой доктор, такого не может быть. До сего дня ее держали под замком. И только этим утром извлекли, чтобы затем открыть, и предусмотрительно поместили на полку здесь, в библиотеке, чтобы не перепутать случайно с другими бутылками.

– Ну да, мисс Мейбл... ну да. Но все же...

– А что касается содержимого, доктор, то я не жду никаких чудес. Кто говорит о кладе, кто – о секрете жизненного эликсира. Не верю я этим толкам и гаданиям. В конце концов, там может оказаться просто вино. Самое большее, на что я надеюсь, – это бумага, отсылающая к какому-то скромному подарку, который имеет ценность разве что как сувенир.

– Каков бы ни был этот подарок, мисс Мейбл, ценность его ничтожна в сравнении с тем, чего вы заслуживаете.

– Спасибо, доктор, но, право, этим вечером вы говорите сплошь комплименты! Вы всегда так галантны в Рождество? Но вот вам мое мнение: по-моему, надеяться особо не на что.

А теперь не признаться ли в том, что снова и снова приходит мне на ум, как ни стараюсь я прогнать эти мысли? Вы, быть может, сочтете их глупостью, но могу сообщить, что Катберты всегда были ими одержимы. Такова уж наша навязчивая идея, и мы цепляемся за нее столь же упорно, сколь иные семьи – за чужеродную религию или непопулярное политическое течение.

– И что это...

– Слушайте, доктор. Не смейтесь надо мной, но мне в самом деле кажется, что тайна этой бутылки каким-то образом связана с приором Поликарпом.

– А кто такой...

– Как, вы не знаете про приора Поликарпа, который был главой этого дома, когда он принадлежал церкви? Но теперь, подумав, я не уверена, что когда-либо говорила вам о нем, а кроме меня, местной историей мало кто интересуется, вот сведения до вас и не дошли. Это был последний приор, который числился таковым в анналах Приорства вплоть до его ликвидации при Генрихе Восьмом. В столовой висит портрет приора Поликарпа, и вам часто доводилось его видеть, хотя не приходило в голову спросить, кто там изображен. Скорее всего, вы принимали его за одного из предков, несмотря на церковное облачение и тонзуру²⁵. Кроме этого портрета, здесь почти ничего не сохранилось от прежнего монастыря.

²⁵ *Тонзура* – у католического духовенства: выбритое место на макушке, знак отречения от мирских интересов.

Приор Поликарп, разумеется, не является нашим предком, но может называться родственником. Когда Приорство было конфисковано, его купил сэр Гай Катберт, мой отдаленный пращур, а он приходился приору братом. Это родство сослужило монахам хорошую службу: их не вышвырнули за порог, а позволили удалиться, когда будет удобно, причем самым хворым дали возможность провести остаток жизни в монастыре, где сохранились помещения, еще не переделанные для нужд мирских обитателей. И к числу оставшихся принадлежал, конечно, приор, проживавший у своего брата на правах гостя. Само собой, это снисхождение привело к тому, что прежних и новых владельцев не разделила, как бывает в подобных случаях, вражда; а уж двое братьев жили в любви и полнейшем согласии вплоть до самой смерти, причем один пережил другого не более чем на две недели. И не иначе как по этой причине приор Поликарп и после смерти продолжил благоволить семейству Катбертов.

– Вы сказали, после смерти?

– Да. Это покажется странным, но данный факт не единожды доказан и сомнению не подлежит. Все примеры я, конечно, не приведу, однако попробую развлечь вас описанием некоторых. Был вот один случай при осаде во времена Карла Первого²⁶. Враги еще не окружили дом, но подкрады-

²⁶ *Карл I* Стюарт (1600–1649) – король Англии, Шотландии и Ирландии в 1625–1649 гг., казненный по приговору революционного суда вскоре после окончания Второй гражданской войны в Англии (1648–1649).

вались издалека, надеясь застать обитателей врасплох. Сэр Джеффри Катберт, тогдашний владелец, спал и ни о чем не ведал. И тут его будит топот: кто-то ходил по холлу туда-сюда. Сэр Джеффри пошел поглядеть, кто это, но никого не увидел, а шаги меж тем не смолкали. Они следовали бок о бок с сэром Джеффри, потом поворачивали назад, словно недвусмысленно звали за собой. Наконец он послушался, и невидимый спутник провел его через холл, вверх по лестнице и на крышу, откуда сэр Джеффри увидел, примерно в полумиле от дома, крадущийся отряд бунтовщиков. Небольшой гарнизон немедленно был призван к оружию и расставлен по местам; сюрприз ждал не его, а осаждавших, а через две недели на помощь подоспели отряды короля. И мы всегда думали, доктор Крофорд, что таинственным невидимкой был приор, который хотел предупредить сэра Джеффри.

– А еще? – Я был настолько удивлен этой упорной верой в семейную легенду, что воздержался от комментариев и стал расспрашивать дальше.

– Да, были и другие примеры. Речь идет о временах Георга Второго²⁷ и Мортоне Катберте. Он был сэр Мортон, но, чего я до сих пор не понимаю, впоследствии почему-то утратил свой титул. На некоторый срок он лишился и поместья – вероятно, в тот же период и при тех же обстоятельствах. Собственность впоследствии к нему вернулась, но титул был

²⁷ *Георг II* (1683–1760) – король Великобритании в 1727–1760 гг., представитель Ганноверской династии на английском престоле.

потерян навсегда. Два года сэр Мортон провел в изгнании, а в доме обитал его новый владелец – тот, кого мы всегда называли Претендентом. В то время над крышей здания высилась колокольня, и там имелся колокол, сзывавший монахов к молитвам и трапезам. Когда монахов изгнали и вера в людях ослабла, им стали пользоваться только перед обедом. Нежным серебристым звоном гордилась вся округа. Но когда велел звонить новый жилец (он устроил большой пир по случаю своего вступления в права), колокол, ко всеобщему изумлению, начал фальшивить: приятные тоны сменились грубыми и хриплыми, как бывает при появлении трещины. Говорят, забравшись наверх посмотреть, в чем дело, прислужник увидел старого приора Поликарпа, который стоял рядом с колоколом и рукой приглушал звон. Не знаю, правда это или нет. Ясно только, что приор бесспорно замешан в эту историю, поскольку, когда поместье вернулось к Катбертам, колокол – смотри-ка! – снова обрел свой ясный серебристый голос и окрестный люд сбегался толпами, чтобы стать очевидцем этого, как он полагал, чуда.

Понятно, что, слушая Мейбл, я не переставал удивляться. Она была не из тех, кто подвержен суевериям. Но в конце концов, когда речь идет о благородстве и чести семьи, любой станет суеверным! И с какой легкостью мы убеждаем себя в достоверности историй, свидетельствующих как будто о покровительстве и благосклонности к нам высших сил! На минуту я задумался о том, следует ли мне, когда Мейбл станет

моей женой, отговаривать ее от веры в сказки или скромно помалкивать, раз уж истории о приоре Поликарпе доставляют ей удовольствие и не приносят вреда, но к решению не пришел.

– Теперь, дорогой доктор Крофорд, вы понимаете, как легко мне поверить, что старик-приор что-то затеял с этой бутылкой, рассчитывая с ее помощью каким-то образом поспособствовать нашему благу.

– Но вы забываете, мисс Мейбл, что бутылка не пришла к вам из Средних веков. Ее завещал хранить ваш дедушка, и с той поры минуло только двадцать пять лет.

– Чистая правда, доктор. Но не может ли быть так, что приор ради каких-то собственных целей внушил моему деду намерение запечатать и длительное время не вскрывать бутылку, наполненную всего лишь вином, а то и вовсе пустую; что далее ей предназначено стать хранилищем какого-то важного секрета? Даже вы сами не можете с уверенностью утверждать, что бутылку, где изначально было вино, не использовали впоследствии для хранения каких-то записей.

– Нет-нет, мисс Мейбл, конечно же не могу, – подхватил я, несколько ошарашенный тем, как совпал у нас ход мыслей. – А если... если, допустим, вы обнаружите в бутылке не секрет из прошлого, а нечто... нечто совершенно неожиданное, это сильно вас разгневет?

– Как же я могу что-то утверждать, доктор Крофорд, пока не видела этих записей и понятия не имею, содержат ли они

повод для недовольства? Но нет смысла дальше гадать: за нами уже пришел Роупер, и скоро мы всё узнаем.

В самом деле, в библиотеку уже входил, сверкая ослепительно-белым жилетом, галстуком и перчатками, Роупер. Он распахнул дверь в столовую, и я, предложив Мейбл руку, сопровождал ее туда. Выше уже говорилось, что столовая, как и библиотека, являлась некогда частью трапезной и ее массивный деревянный потолок остался почти нетронутым. Тут и там стены были богато драпированы кордовской кожей, и отделка и меблировка обеих комнат мало чем отличались. Но вместо книжных шкафов у стен столовой стояли большие серванты красного дерева, обильно нагруженные старинным фамильным серебром. Внушительное серебро красовалось и на столе, и на него лился мягкий, приятный свет множества восковых свечей в канделябрах. На стенах висело несколько фамильных портретов, среди которых я заметил теперь, как раз напротив отведенного мне места, изображение приора Поликарпа. Он мне понравился, и по его виду я бы сказал, что это человек цветущий и любящий удовольствия. Когда мы садились, пламя свечей заколыхалось и по лицу старика пробежала вспышка, отчего его улыбка сделалась шире, а в глазах зажегся лукавый огонек; портрет как будто подмигнул, и не кому-нибудь, а именно мне. Я счел это добрым предзнаменованием: старый приор лучился дружелюбием, приветствуя мое вхождение в семью.

От помещения и от нашей маленькой компании веяло ис-

тинно рождественским уютом. В давние времена бывали, конечно, случаи, когда стол тянулся во всю длину комнаты, дабы можно было устроить большой семейный пир. Но нынче его укоротили соответственно нашим с Мейбл потребностям; укоротили настолько, что, сидя на противоположных его концах, мы могли пожать друг другу руки. Обстановка приятнее некуда, и, если не считать некоторых сугубо праздничных атрибутов, многообещающая картина будущего каждодневного существования. Как же верилось, что нам с Мейбл суждено провести в подобной тесной близости все дальнейшие годы! Как недвусмысленно говорила эта сцена о нашем близящемся семейном счастье!

В первые минуты нам было не до разговоров. Все внимание было поглощено обязывающей, если можно так выразиться, трапезой; к тому же присутствие Роупера, сновавшего вокруг в парадном облачении, несколько сковывало нас. Но даже в этих обстоятельствах мысли мои текли свободным потоком, и под благосклонным взглядом Мейбл, в лучах ее улыбки, я дал полную волю радужным надеждам и уверился в своем предстоящем счастье. Помню, что изобрел для себя игру: изучать в мигающем свете портрет приора Поликарпа и по тому, насколько широка его улыбка, гадать о своей судьбе. После каждого любезного слова Мейбл я ловил себя на том, что наблюдаю, одобрит его приор или нет; после каждого доброго пожелания, обращенного к хозяйке, искал в чертах приора подтверждения своим надеждам. Мог ли пред-

ставить себе Роупер, стоя в торжественной позе возле стола и церемонно перебирая столовое серебро, отчего пламя свечей то вздымалось, то опадало, что от него зависит, поощрит меня приор или воздержится и, соответственно, испытаю я подъем или упадок духа.

Наконец пришло время, когда Роупер должен был, принеся десерт, удалиться, и напоследок его манипуляции сделались особенно размашистыми, что заставило старика-приора улыбаться еще шире и чаще. Мейбл наполнила свой миниатюрный бокал и кивнула мне. До этого она позволила себе разве что глоток, я же ожидаемо употребил много больше. Никто не знал, что я уже опорожнил целую – пусть и маленькую – бутылку портвейна, и покаяться в этом у меня не было возможности, поэтому я не мог не отдать должное стоявшим передо мной легкому хересу, кларету и шампанскому. Так или иначе, я немного перебрал, голова пошла кругом, речь становилась все раскованнее – не в последнюю очередь оттого, что любые, даже вполне обычные слова Мейбл произносила с самым приветливым выражением лица, внушавшим мне уверенность в ее нежных чувствах ко мне и в моем грядущем успехе. Однако я упорно старался скрывать свое приподнятое настроение и не выдавал себя ничем, кроме разве что растущего потока болтовни и легковесных шуточек.

– Позвольте ли вы пожелать вам еще много-много раз весело встретить Рождество? – проговорила Мейбл. – Этот день так полон радости и надежды, что грешно ограничивать

себя беззаботным весельем; давайте настроимся на торжественный лад и обменяемся серьезными тостами.

– День надежды – как это верно, мисс Мейбл, – ответил я с поклоном. – День, предназначенный для добрых слов и добрых дел.

– Для мира, спокойствия и прощения всех людей, дорогой доктор Крофорд. И эти слова непосредственно относятся к вам, первейшему дарителю названных благ. Мне ведь известно, как, в связи с вашим служением, в любой дом, где вы появляетесь, входят мир и спокойствие.

– А прощение, мисс Мейбл?

– Что до этого, доктор, я знаю, какое доброе у вас сердце и какую любовь питают к вам окружающие. Неужели вам есть за что их прощать?

– Да за что угодно, моя дорогая мисс Мейбл, – и кого угодно. – И тут я, пребывая во власти растущего опьянения, сбился с глубокомысленного тона, который мы избрали, и перешел к досужему шутовству: – Мою квартирную хозяйку, что нанесла мне немало жестоких обид; и... и еще моего соперника, врача-гомеопата. Рассказать вам, что он учинил три месяца назад?

– Расскажите, доктор, – согласилась Мейбл, немного удивившись моей легкомысленной реплике и не зная, стоит ли принимать ее всерьез.

И я начал рассказывать, как однажды покупал в аптечной

лавке ялапу²⁸ и случившийся поблизости гомеопат съязвил: «Давайте, доктор Крофорд, скормите им целое ведро». Я не сразу сообразил, чем парировать это ироническое замечание, но впоследствии задним умом изобрел ответ: «Лучше уж ведро лекарства, чем миллионная доля грана²⁹ в ведре воды». И позднее всякий раз, когда заставал в лавке этого доктора, я покупал у аптекаря ялапу в надежде, что мой соперник не воздержится от той же шутки, а у меня уже будет готов ответ. Случай не выпадал, и я очень злился на гомеопата, но теперь, вдохновленный словами и примером Мейбл, прощу обидчика. И это мое решение надобно оценить по достоинству, ибо где такое видано: не прошло и трех месяцев, а аллопат³⁰ простил гомеопату его грех.

– А у вас, мисс Мейбл, не скопилась ли пара-тройка пу-
стячных обид, которые вы готовы простить?

– Не думаю... нет, пожалуй.

– А как же жена викария? – спросил я.

И тем же непринужденным, раскованным тоном я принялся рассказывать, как жена викария однажды отпусти-

²⁸ *Ялапа* – многолетнее травянистое растение из рода ипомея семейства вьюнковых; из его корней изготовляют слабительное средство.

²⁹ *Гран* (от лат. *granum* – зерно, крупинка) – вышедшая из употребления единица аптекарского веса (системы мер, использовавшейся врачами и аптекарями при изготовлении лекарств, а также для взвешивания драгоценных металлов), в английской системе мер равная 64,8 мг.

³⁰ *Аллопат* – сторонник методов классической медицины (в противоположность *гомеопату* – представителю медицины альтернативной).

ла саркастическое замечание о миссионерской деятельности среди готтентотов³¹, которую горячо поддерживала Мейбл, и как это было несправедливо, потому что сама жена викария еще горячей высказывалась в пользу афганских миссий. Что именно она говорила, я запамятовал, но в любом случае на ее слова должен был найтись хороший ответ. Вот бы подготовить несколько универсальных реплик и держать их в запасе для жены викария; искусным намеком на миссию у готтентотов спровоцировать ее на новый выпад – а потом выхватить из колчана стрелу и поразить обидчицу на месте. А уже после расправы ее можно будет простить, показав тем самым, что ты воистину чтить Рождество.

Все это были глупые речи, и я не мог этого не понимать, однако не находил в себе сил остановиться. Опыянение взяло верх над здравым смыслом, и уж не знаю, как далеко я бы зашел и какой нагородил чуши, если бы не посмотрел на Мейбл. Старый приор, надо заметить, в этот момент нахмурился, но мне хватило единственного взгляда на ее лицо. Судя по растерянности и недоумению, читавшимся в ее чертах, она не могла понять, серьезен я или шучу и стоит ли посмеяться вместе со мной или пожалеть человека, несущего такой бред. Я понимал, что еще миг – и она сделает выбор в пользу

³¹ *Готтентоты* – группа народов Южной Африки. Термин «готтентот» восходит к нидерландскому слову «hottentot» (заика), связанному с характерными для языка этих народов щелкающими звуками; в XIX–XX вв. он приобрел отрицательную окраску и ныне считается оскорбительным в Намибии и ЮАР, где употребляется только самоназвание «кой-коин».

жалости, поэтому решил, пока не поздно, себя окоротить.

– Но это все галиматья, дорогая мисс Мейбл. Простите, что старался вас повеселить, меж тем как вы, вероятно, настроились на серьезную беседу. Вы говорили...

– Да, доктор. – Тут она, очевидно обрадованная тем, что я не спятил, позволила себе наконец мило улыбнуться. – Необязательно очень серьезную, но все же, по-моему, в этот день следует прощать прегрешения иного рода, нежели те мелкие щелчки, о которых вы говорите. Лучше посвятить его исцелению застарелых ран, чтобы долгая внутрисемейная вражда завершилась наконец миром. И – поразительное совпадение – именно сегодня утром, в созвучии с моим рождественским настроением, я получила одно письмо, написанное почти месяц назад! Помните капитана Стэнли... служившего прежде в гвардии?

– Нет, пожалуй... Ну да, уверен, что...

– Вполне возможно, не помните, с тех пор утекло немало воды; когда он здесь бывал, то надолго не задерживался. Дело в том, что у них с отцом вечно разгорались споры, причем такие ожесточенные, что отец в конце концов чуть ли не выгнал его за порог. Но он вовсе не хотел ссориться; виной всему лишь глупое упрямство.

– И как это...

– А вот как. Капитан Стэнли – наш родственник, в его жилах течет наша кровь, но, несмотря на это, он всегда утверждал, что не верит историям про мистическое покровитель-

ство, которое приор Поликарп оказывает роду Катбертов. Он не отрицал саму возможность этого, ведь случилось же подобное в других старинных семействах. Но капитан Стэнли вбил себе в голову, что мы никоим образом не состоим в родстве с приором, а значит, с чего бы ему нам помогать? Капитан настаивал, что мы происходим не от сэра Гая Катберта, брата приора, а от некоего Марка Катберта с другого конца Англии, всего лишь конюшего при одном из благородных домов и вовсе не родственника приора. Из-за этого отец и капитан Стэнли пикировались так, что пух и перья летели, и я, признаюсь, была на стороне отца; суть спора сводилась к тому, правда ли, что в ту пору мы не принадлежали к знати и титул приобрели лишь впоследствии, за деньги. Полемика так разгорелась, что мы прекратили общаться и капитан Стэнли отправился в Вест-Индию³².

– Подобные семейные раздоры всегда прискорбны, – заметил я.

– Сушая правда, доктор Крофорд. Но тут начинается более приятная часть этой истории. Нынешним утром мне пришло вышеупомянутое письмо, в котором капитан сожалеет о прошлом, с большим уважением и приятную отзывается о моем отце, признает, что ошибался насчет происхождения Катбертов, а отец был прав, просит о восстановлении семей-

³² *Вест-Индия* – историческое название дугообразной группы островов Карибского моря протяженностью ок. 3500 км между материками Северной и Южной Америки. В состав Вест-Индии входят Багамские, Большие Антильские и Малые Антильские острова.

ного мира и обещает в скором времени нанести мне визит.

– Все как и должно быть, – признал я.

– Да, доктор, в самом деле. Примирение родных – что может быть лучше? Но это случай не вполне обычный... И надо оговорить, восстановление согласия – еще не... Такому старому другу, как вы, доктор, я могу признаться: если мы с кузенном Томом, то есть капитаном Стэнли, помирился, речь может пойти о возобновлении нашей помолвки.

«Боже правый! – воскликнул я про себя и, как подстреленный, откинулся на спинку стула. – А в треклятой бутылке – мое предложение!»

5

Перед глазами у меня сгустилась пелена, по коже побежали ледяные мурашки, руки и ноги сковало параличом. Тело язвили разом все мучительные ощущения, которым подвержена человеческая плоть, и тянулось это, как мне показалось, не менее часа. Но на самом деле мои невзгоды продлились считанные секунды, поскольку, когда я набрался смелости поднять голову и оглядеться, все в комнате оставалось на своих местах. Мейбл не обратила ни малейшего внимания на то, что я не в себе, значит, времени прошло всего ничего. Правда, она, немного отвернув голову, смотрела на Роупера, который под звон колокола возник в дверях соседней комнаты. В руке он держал злосчастную бутылку, которую, по

указанию Мейбл, попытался поставить на стол справа от нее, но действовал так неуклюже, что бутылка опрокинулась.

– Осторожней, Роупер.

– Я думал, мисс, что она тяжелей.

С этими словами Роупер стал медленно удаляться, не спуская с бутылки глаз, словно в преддверии чудес вокруг нее уже сгушался ореол тайны.

– В самом деле, она как будто стала легче. – Мейбл бережно взвесила бутылку в руке. – И раньше было заметней, что в ней вино. Ну да, если разглядывать на просвет, видна как будто свернутая бумажка. Прежде я ее не замечала. Посмотрите сами, мой дорогой доктор Крофорд. Не кажется ли вам тоже...

– Несомненно, там бумага, мисс Мейбл. А раз так, не опасно ли будет вам сейчас – или даже вообще – ее открывать? Будет лучше, если я ее заберу, чтобы ознакомиться в присутствии вашего адвоката. Там может обнаружиться какая-то страшная семейная тайна, которую вам лучше не знать – или с которой лучше повременить. Таким образом мы в случае чего уберем вас от удара, а потом, когда придет час...

– Час уже пришел, доктор Крофорд. – Мне показалось, что мои слова слегка ее задели. – В истории моей семьи не может быть страниц, которых мне следовало бы опасаться.

– Но по крайней мере, дорогая мисс Мейбл, позвольте мне вынуть пробку. Бутылки, бывает, ни с того ни с сего разлетаются на куски; как бы вы при такой okazji не поранили

свои нежные пальчики. . .

Я надеялся, взявшись за эту задачу, сделать вид, что она требует больших усилий; тогда я мог бы поставить бутылку на пол и под прикрытием скатерти потихоньку завладеть своей несчастной запиской, а далее представить дело так, будто внутри не было ничего, кроме капельки старого вина, которое, надо полагать, целиком испарилось через пробку. Но даже в этом замысле судьба, казалось, была настроена против меня.

– Дорогой доктор, спасибо. Но нужно помнить, что, согласно распоряжению деда, бутылку должен открыть его наследник. Да и, в конце концов, как видите, у меня, наверное, есть способности к открыванию винных бутылок: штопор идет очень легко. Смотрите-ка, – Мейбл потянула штопор, – пробка вообще не думает сопротивляться!

И в самом деле, пробка – чему я нисколько не удивился – выскочила легче, чем миндаль из скорлупы. Мейбл, приятно удивленная собственной ловкостью, сидела напротив меня с бутылкой в одной руке и штопором с пробкой – в другой. Присмотревшись, я заметил, что из горлышка торчит уголок моего несчастного объяснения, которое развернулось, точно торопя мою погибель. Что мне оставалось делать? Выхватить у Мейбл бутылку и сломя голову бежать прочь? Иного выхода я не видел, а на такой, увы, решиться не мог. Тем временем Мейбл отложила штопор, поставила бутылку на стол и попыталась заглянуть внутрь.

– Ага, бумага точно есть, – сказала она, изящным движением вытащила записку и стала ее расправлять. – Смотрите-ка, дорогой доктор! На обеих сторонах имеется надпись, какие-то загадочные символы. Уже одно это означает, что бумага очень старая, правда? Не такие ли знаки встречаются в средневековых рукописях? Присядьте сюда, доктор, и скажите, что вы об этом думаете.

– Да-да... Средневековье... и еще меч Соломона...³³ и... о, мисс Мейбл, дальше сплошной ужас! Лучше не читать, а сразу бросить эту бумажку в огонь! Что, кроме вреда, могут вам причинить каббалистические знаки³⁴?

Но даже в минуты безумного волнения я едва удержался от улыбки, столь необоримую власть имеет над нами смешное. С первого взгляда я понял, что каббалистические знаки – это начало рецепта, который я как-то нацарапал в блокноте и забыл: две строчки сокращенных наименований и условных значков, обозначающих драхмы³⁵ и пеннивейты³⁶.

³³ *Соломон* – легендарный правитель Израильского царства в 967–928 гг. до н. э. Согласно Библии, славился необычайной мудростью; традиционно считается автором ряда библейских книг.

³⁴ ...*каббалистические знаки*? – Каббалистика – средневековые тайные науки, магические знания и связанные с ними обряды; чернокнижие. Название связано с каббалой – иудейским мистико-эзотерическим учением о буквенно-числовой структуре мироздания, возникшим в XII в. и получившим распространение в XVI в.

³⁵ *Драхма* — вышедшая из употребления единица аптекарского веса, в английской системе мер равная 3,88 г.

³⁶ *Пеннивейт* — английская единица массы благородных металлов и драгоцен-

– Сжечь, доктор? Было бы несусветной глупостью сначала не прочитать хотя бы, что написано на обороте. Но смотрите! К несчастью, на дне оставалось вино, и вся бумага теперь в пятнах. Сохранились только отдельные слова. Какое легкомыслие со стороны приора – не выбрать бутылку посуше! Как вы думаете, совсем ничего нельзя разобрать? Может, хоть что-нибудь?

– Поглядим, дорогая мисс Мейбл, – проговорил я, чувствуя, что во мне зарождается надежда; впереди обозначился выход из моего бедственного положения. Да, небрежность Роупера, опрокинувшего бутылку, обернулась для меня удачей: тонкая бумага местами промокла, можно было разобрать лишь несколько слов и их отрывков. – Поглядим, мисс Мейбл; не исключено, что-то удастся прочесть.

Мейбл расправила записку на столе, и мы дружно склонили к ней головы.

– Да, доктор, кое-что вижу, но только обрывки. «Не откажите... снисходительно... щедро одарил... с давних пор... приор... портрет... таит... объясняет... притязания... скреплено печатью...» Вот и все, что я разбираю. Что бы это могло значить, доктор Крофорд?

– Похоже, речь идет о каком-то важном документе, – ответил я. – Но где искать этот документ? В записке как будто не сказано. А не являются ли ключом слова «приор» и «портрет»?..

– Оно самое! – вскричала Мейбл. – Оно самое! В нашей семье издавна бытовала легенда о том, что в нише за портретом приора скрыты сокровища, но не нашлось никого, кто бы поверил и посмотрел. Поищем же сейчас! О мой дорогой доктор! Как же вы добры, и притом мудры! Вы сразу догадались, а я бы, наверное, впустую ломала себе голову! Да, давайте поищем.

Улыбка предвкушения на ее лице не могла затмить улыбку облегчения на моем. Я сознавал, что благодаря счастливому случаю спасен. Никому не придет в голову искать иного толкования моей злосчастной записки, а прячет что-то старый приор у себя в нише или не прячет, мне было совершенно все равно, главное – мои беды позади. Я забрал у Мейбл записку, как бы по рассеянности скомкал ее и засунул в карман, а потом с легким сердцем забрался на стул и принялся обшаривать с обратной стороны раму портрета. Дальше меня ждало – нет, не облегчение, ибо мне уже ничто не грозило, – но поразительное открытие: с минуту проблуждав наугад, мои пальцы наткнулись на потайную пружину, старый приор медленно отъехал в сторону, и показалась небольшая впадина, скрывавшаяся за ним. Когда он скользил вдоль линии канделябров, на его добродушном лице заиграли отблески, и мне почудилось, что никогда еще старик не улыбался так широко. С возгласом восторга Мейбл протянула руку за свитком пергамента, вынутым из ниши: она уже догадалась, что это может быть.

– Старинный... первоначальный документ о праве собственности на Приорство! – воскликнула она, нежно прижимая к груди пыльный свиток. – С тех пор как он был потерян, миновало два поколения, и никто даже помыслить не мог, что он когда-нибудь найдется! Как же мечтал об этом отец и как бы он сегодня радовался!

– Вот уж радость так радость, мисс Мейбл! – подхватил я, тут же оценив значение документа. – Ведь это... это обеспечит вам победу в том несчастном процессе в суде лорда-канцлера. И все пятьсот акров наконец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.